

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
таланливый автор.

Ли Чайлд

ЛИХОРАДКА

Шокирующе... Герритсен снова использует свои профессиональные знания,
энергичный стиль и необычных персонажей.

San Jose Mercury News

Тесс Герритсен

Лихорадка

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Медицинские
триллеры», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180276

Лихорадка: Книжный клуб 36.6;

ISBN 978-5-389-19319-2

Аннотация

Спасаясь от прошлого, доктор Клэр переезжает вместе с сыном в тихий курортный городок и открывает там частную практику. Но вскоре надежды на спокойную жизнь рушатся: один из пациентов Клэр, четырнадцатилетний мальчик, совершает ужасное преступление. И это только начало цепи необъяснимых вспышек агрессии среди городских подростков. Им хочется убивать, и их гнев оборачивается против близких... Как выясняется, подобные случаи происходят здесь регулярно – два раза в столетие. Клэр понимает, что детьми движет нечто большее, чем просто бунт и жажда разрушения. Должна существовать биологическая причина столь аномального поведения, рассуждает Клэр и шаг за

шагом приближается к невероятной правде, невзирая на недвусмысленные предупреждения и угрозы...

Содержание

Пролог	6
1	12
2	31
3	57
4	76
5	99
6	127
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Тесс Герритсен

Лихорадка

Тиму и Элизе

© И. А. Литвинова, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Транквиль, штат Мэн, 1946 год

Если она не будет двигаться, затаится, он не найдет ее. Может, он и думает, что знает все потайные места, но ему так и не удалось обнаружить ее заветную нишу – небольшое углубление в стене погребца, надежно защищенное от посторонних глаз полками, на которых стоят банки с мамиными соленьями. Ребенком она легко проскальзывала в это пространство и каждый раз, когда они играли в прятки, уютно устраивалась в своей норке и хихикала над ним, пока он носился по комнатам и злился, что не может ее найти. Иногда игра продолжалась так долго, что она проваливалась в сон и просыпалась только спустя несколько часов от звука маминного голоса, который встревоженно звал ее по имени.

И вот она снова здесь, в потайном месте погребца, хотя давно перестала быть ребенком. Ей четырнадцать, и она с трудом пролезла в эту нишу. И это уже не беспечная игра в прятки.

Она слышала, как он бродит по дому, ищет ее. Он обшаривал комнату за комнатой, ругался, бросал мебель на пол.

«Пожалуйста, ну пожалуйста! Кто-нибудь, помогите! Кто-нибудь, уведите его отсюда!»

Она слышала, как он прорычал ее имя: «Айрис!» Скрип, который производили его шаги, переместился на кухню. Он

подошел к двери погребца. Она крепко сжала кулаки, а ее сердце превратилось в гулкий барабан.

«Меня здесь нет. Я далеко, я сбежала и парю в ночном небе...»

Дверь в погреб резко распахнулась, ударилась о стену. Луч золотого света обратился вниз, и его силуэт обозначился в дверном проеме, на верхней ступеньке лестницы.

Он протянул руку и дернул шнур выключателя; загорелась голая электрическая лампочка. Ее тусклый свет озарил похожий на пещеру погреб. Съежившись за полками, которые были уставлены банками с консервированными огурцами и помидорами, Айрис слышала, как он спускается по крутой скрипучей лестнице, неминуемо приближаясь к ней. Она сильнее вжалась в стенку, распластываясь по каменной кладке, и закрыла глаза, мечтая стать невидимкой. Сквозь гулкие удары собственного сердца она услышала, как он спустился с лестницы.

«Только бы не увидел меня... Только бы не увидел!»

Кто-то прошел мимо полок с банками, направляясь к дальней стене погребца. Она слышала, как он пихнул ногой ящик. Пустые банки вдребезги разбились о каменный пол. Теперь он возвращался; она слышала его тяжелое дыхание вперемежку со звериным рыком. Она сама дышала короткими и быстрыми рывками, а кулаки сжались так сильно, что казалось, будто вот-вот хрустнут кости. Шаги приблизились к полкам и замерли.

Она тут же открыла глаза и сквозь щель между банками разглядела, что он стоит прямо перед ней. Она сползла вниз по стене, и ее глаза оказались на уровне его ремня. Она еще больше съежилась, пытаясь исчезнуть из поля его зрения. Он схватил с полки банку и разбил ее об пол. В нос ударил запах маринованных огурцов, резкий и уксусный. Он потянулся за следующей банкой, но почему-то поставил ее на место, как будто ему в голову пришла идея получше. Он развернулся и стал подниматься вверх по ступеням; перед выходом снова рванул шнур выключателя.

Она опять оказалась в темноте.

И вдруг поняла, что плачет. Лицо было мокрым от пота и слез, но она не осмелилась всхлипнуть.

Наверху шаги протопали к парадной двери, а потом все стихло. Ушел? Неужели он наконец исчез?

Она так и сидела, замерев и боясь шелохнуться. Минуты проходили одна за другой. Она медленно отсчитывала их в уме. Десять. Двадцать. Ее мышцы начало сводить судорогой, спазмы были ужасно болезненными – ей пришлось закусить губу, чтобы не вскрикнуть.

Час.

Два часа.

Сверху не доносилось ни звука.

Она медленно выползла из своего укрытия. Стоя в темноте, она ждала, пока кровь снова поступит в ее мышцы и она снова почувствует ноги. Она прислушивалась, постоян-

но прислушивалась.

Но ничего не слышала.

В погребу не было окна, и она не знала, по-прежнему ли темно на улице. Она переступила через битое стекло и подошла к лестнице. Осторожно карабкаясь по ступенькам, она замирала на каждой и прислушивалась. Когда она наконец добралась до двери, ладони были такими мокрыми, что ей пришлось обтереть их о блузку, прежде чем открыть погреб.

В кухне горел свет, и, как ни странно, все вокруг выглядело нормально. Она уже почти поверила, что ужас прошедшей ночи был просто страшным сном. На стене громко тикали часы. Было пять утра, за окном еще не рассвело.

Она на цыпочках прокралась к двери и выглянула в коридор. Одного взгляда на перевернутую мебель и забрызганные кровью обои хватило, чтобы понять: это был не сон. Ее ладони снова стали влажными.

В коридоре было пусто, входная дверь распахнута настежь.

Нужно во что бы то ни стало выбраться из дома. Бежать к соседям, бежать в полицию.

Она двинулась по коридору, с каждым шагом приближаясь к спасению. Ужас настолько обострил все ее чувства, что она подмечала каждую щепку на цветастом ковре, слышала тиканье стрелки на кухонных часах. Она была уже почти у двери.

Успешно добравшись до перил, она увидела лестницу, с

которой головой вниз упала ее мать. Она не могла отвести взгляд от тела. Длинные волосы мамы, словно черный водопад, каскадом ниспадали со ступенек.

Чувствуя, что к горлу подступает тошнота, она бросилась к двери. А там стоял он. С топором в руке.

Всхлипнув, она ринулась назад, к лестнице, чуть не поскользнувшись на крови матери. Она слышала его тяжелые шаги за спиной. Но она всегда бегала быстрее, чем он, а сейчас от страха прямо-таки летела по лестнице, словно потерявшая голову кошка.

На площадке второго этажа она успела заметить тело отца, лежавшее на пороге его комнаты. Но не было времени думать об этом, некогда было предаваться ужасу; она уже проскочила следующий пролет лестницы и ворвалась в мансарду.

Захлопнув дверь, она успела задвинуть щеколду.

Взревев от ярости, он принялся барабанить в дверь.

Она стремглав помчалась к окну и, с силой рванув шпингалет, распахнула его. Посмотрев вниз, она поняла, что не выживет после падения с такой высоты. Но другого выхода не было.

Она сдернула штору с карниза. «Веревка. Мне нужна веревка!» Один конец шторы она закрепила на трубе батареи, сорвала вторую штору и связала оба полотна.

От глухого удара затрещала деревянная обшивка двери, и прямо в нее полетели щепки. Она оглянулась и с ужасом уви-

дела торчавшее в двери лезвие топора. В следующее мгновение топор убрали, чтобы нанести новый удар.

Он сейчас проникнет сюда!

Она сорвала третью штору и трясущимися руками привязала ее к первым двум.

Топор снова обрушился на дверь. Дыра стала заметно шире, а по комнате разлетелось еще больше щепок.

Она сорвала четвертую штору, но, лихорадочно завязывая новый узел, знала, что длины все равно не хватит. Как знала и то, что уже слишком поздно.

Она развернулась лицом к двери как раз в тот момент, когда та рассыпалась под очередным ударом топора.

Наши дни

– Сегодня обязательно кого-нибудь ранят, – заметила доктор Клэр Эллиот, глядя в окно своей кухни.

Над озером повис густой утренний туман, напоминавший дым; очертания деревьев за окном то исчезали, то снова появлялись. Прогремел еще один ружейный выстрел, на этот раз ближе. С самого рассвета она слышала пальбу и, возможно, обречена слушать ее весь день, до наступления сумерек, потому что сегодня первый день ноября. Наступил сезон охоты. Видимо, там в лесу бродит какой-то человек с ружьем, полуслепой от тумана, и пытается попасть в воображаемую тень белохвостого оленя.

– Думаю, не стоит стоять на улице и ждать автобуса, – сказала Клэр. – Я сама отвезу тебя в школу.

Ной сидел ссутулившись за столом, накрытым к завтраку, и молчал. Он зачерпнул еще одну ложку хлопьев и принялся чавкать. Ее сыну уже четырнадцать, а он до сих пор ест как двухлетний малыш – стол забрызган молоком, а крошки от тоста усыпали пол вокруг его стула. Он ел, не глядя на нее, как будто посмотреть на нее значило встретиться взглядом с горгоной Медузой. «Ну, посмотрел бы он на меня – и что? – насмешливо подумала Клэр. – Мой дорогой сынок и так уже обратился в камень».

– Я отвезу тебя в школу, Ной, – повторила она.

– Да ладно. Я доберусь на автобусе. – Поднявшись из-за стола, он прихватил свой рюкзак и скейтборд.

– Эти охотники толком не видят, куда палят. Надень хотя бы оранжевую шапку. Тебя, по крайней мере, не перепутают с оленем.

– Но она же дурацкая.

– В автобусе снимешь. А сейчас надень. – Она взяла с полки в прихожей вязаную шапку и протянула сыну.

Он посмотрел на шапку, а потом наконец на Клэр. За год он вытянулся сразу на несколько сантиметров, и теперь они были одного роста и могли без труда смотреть в глаза друг другу, в этом смысле ни у сына, ни у матери преимуществ не было. Интересно, неужели Ной так же остро ощущает это физическое равенство, как она сама? Когда-то Клэр могла обнять его, и мальчик отвечал ей тем же. Но ребенок вырос, и пухлое тельце обросло мышцами, а лицо сузилось, и его черты приобрели резкость и угловатость.

– Будь добр, – попросила Клэр, протягивая сыну шапку.

В конце концов Ной тяжело вздохнул и натянул шапку на свои темные волосы. Она еле сдержала улыбку: шапка действительно выглядела по-дурацки.

Клэр окликнула сына, когда тот уже было двинулся к выходу:

– А поцеловать на прощание?

Он обернулся и с недовольным видом едва коснулся губа-

ми ее щеки, после чего скрылся за дверью.

«С объятиями покончено, – печально думала она, из окна наблюдая за тем, как мальчик бредет к дороге. – Теперь только рычим, пожимаем плечами или просто молчим».

Ной остановился под кленом возле подъездной аллеи, снял шапку и, засунув руки в карманы, ссутулился от холода. На нем не было куртки, только тонкая серая фуфайка – при трех-то градусах тепла. Мерзнуть – это круто. Клэр с трудом поборолла желание выбежать на улицу и укутать его в пальто.

Она дождалась прибытия школьного автобуса. И теперь наблюдала, как ее сын, даже не оглянувшись, забирается в автобус, как идет по проходу и занимает место рядом с какой-то девочкой. «Кто она? – промелькнуло в голове Клэр. – Теперь я даже не знаю, как зовут друзей моего сына. Я превратилась всего лишь в крохотный уголок его вселенной». Она знала, что так и будет, отчуждение неизбежно, как и стремление ребенка к независимости, но не была готова к этому. Перемена произошла внезапно, как будто милый мальчик вышел однажды из дома, а вместо него вернулся незнакомец. «Ты – все, что у меня осталось от Питера. Я не готова потерять и тебя».

Автобус с грохотом двинулся прочь.

Клэр вернулась на кухню и присела к столу допить свой едва теплый кофе. В доме было пусто и тихо, словно здесь по-прежнему царил траур. Она вздохнула и раскрыла свежий номер еженедельной газеты «Транквиль». «Стадо здо-

ровых оленей предвещает удачную охоту», – гласила передо-
вица. Отстрел начался. Тридцать дней на то, чтобы завалить
оленя.

По лесу снова прокатилось эхо выстрела.

Клэр пролистала газету, остановившись на полицейской
хронике. Здесь не было сообщений о беспорядках, сопро-
вождавших празднования Хеллоуина накануне вечером, не
говорилось о семерых шумных подростках, задержанных за
то, что их ежегодное колядование по случаю праздника за-
шло слишком далеко. Зато среди заметок о пропавших со-
баках и украденных дровах, в рубрике «Нарушители», зна-
чилось ее имя: «Клэр Эллиот, сорок лет, управляла автомо-
билем с просроченным талоном техосмотра». Она так и не
успела отогнать свой «субару» на техосмотр; сегодня при-
дется ездить на пикапе, чтобы избежать очередного упоми-
нания в прессе. Она с раздражением перевернула страницу
и принялась изучать прогноз погоды – холодно и ветрено, от
трех до пяти градусов тепла днем и от двух до четырех мо-
роза ночью. И в этот момент зазвонил телефон.

Она встала, чтобы снять трубку.

– Алло.

– Доктор Эллиот? Говорит Рейчел Соркин с шоссе Тод-
ди-Пойнт. Здесь несчастный случай. Элвин только что вы-
стрелил сам в себя.

– Что?

– Ну, знаете, этот идиот Элвин Клайд. Он вторгся в мои

владения – охотился за бедным оленем. Зверя он убил – такого красавца и прямо на моей лужайке. Ох уж эти тупые охотники со своими дурацкими ружьями!

– Так что с Элвином?

– Ой, он споткнулся и прострелил себе ногу. Надеюсь, это послужит ему уроком.

– Ему немедленно нужно в больницу.

– Понимаете, в этом-то и проблема. Он не хочет в больницу и не разрешает мне вызвать «скорую». Просит, чтобы я отвезла его домой, вместе с оленем. Я, конечно, не собираюсь этого делать. Как мне быть?

– У него сильное кровотечение?

Клэр слышала, как Рейчел окрикнула нарушителя: «Эй, Элвин! Элвин! Кровь сильно идет?» Затем женщина вернулась к телефону:

– Он говорит, что все в порядке. Он просто хочет, чтобы его отвезли домой. Но я не повезу его, тем более с оленем.

Клэр вздохнула:

– Думаю, я могу подъехать и осмотреть его. Вы живете на шоссе Тодди-Пойнт?

– Да, примерно в километре от Валунов. На почтовом ящике стоит мое имя.

Когда Клэр на своем пикапе свернула на шоссе Тодди-Пойнт, дымка начала рассеиваться. За рядами белых сосен просматривалось озеро Саранча; над ним, словно пар, поднимался туман. Но солнечный свет уже пробивался

сквозь пелену, раскрашивая золотом рябь воды. На противоположном, северном берегу озера сквозь пальцы тумана виднелись летние коттеджи, большинство которых были заколочены на зиму – их состоятельные владельцы уже разъехались по домам, в Бостон и Нью-Йорк. Южный берег, вдоль которого ехала Клэр, был застроен домиками попроще – тесные хижины, многие из которых состояли всего лишь из двух комнат, терялись в зарослях деревьев.

Она миновала Валуны – спуск к озеру, сооруженный из нескольких гранитных глыб; здесь в летнюю пору собираются и купаются местные подростки – и вскоре заметила почтовый ящик с надписью «Соркин».

Ухабистая проселочная дорога привела ее к дому. Странное, причудливое строение с нелепыми пристройками и невероятным количеством выступов и углов в самых неожиданных местах. И над всей этой конструкцией возвышалась остекленная башня, которая напоминала пропоровший крышу кусок горного хрусталя. Эксцентричной женщине и дом полагался эксцентричный, а Рейчел Соркин в Транквиле считали чудной дамочкой – удивительная черноволосая женщина раз в неделю появлялась на городских улицах в неизменной багровой пелерине с капюшоном. Именно в таком доме и должна была обитать дама в пелерине.

Прямо у крыльца, возле аккуратных грядок с зеленью, лежал мертвый олень.

Клэр выбралась из пикапа. Тотчас же две собаки выпрыг-

нули из леса и, рыча и лая, преградили ей путь. «Охраняют добычу», – решила она.

Рейчел вышла из дома и прикрикнула на собак:

– Пошли вон, чертовы твари! Идите домой! – Она схватила с крыльца метлу и, выставив ее вперед, словно копье, помчалась вниз по ступенькам с такой скоростью, что ее длинные черные волосы разметались в разные стороны.

Собаки попятились.

– Ха! Вояки! – произнесла Рейчел, делая выпад метлой.

Псы ретировались в сторону леса.

– Эй, оставь в покое моих собак! – закричал Элвин Клайд, приковылявший на крыльцо. Элвин мог бы служить иллюстрацией эволюционного тупика: пятидесятилетний кусок жира, обернутый во фланель и обреченный на пожизненное холостячество. – Они никого не трогают. Просто присматривают за оленем.

– Элвин, у меня для тебя новость. Ты убил это несчастное создание на моей территории. Так что оно принадлежит мне.

– На черта тебе олень? Вегетарианка проклятая!

– Как нога, Элвин? – вмешалась Клэр.

Он перевел взгляд на доктора и прищурился, будто не ожидал ее появления.

– Я просто споткнулся, – ответил он. – Невелика беда.

– Пулевое ранение – это всегда опасно. Могу я взглянуть?

– Мне нечем заплатить... – Он замолчал; его лохматая бровь лукаво взлетела вверх, – видимо, в голову пришла

неплохая мысль. – Может, оленинки хотите?

– Мне просто нужно убедиться, что кровотечение не опасно для жизни. А расплатитесь в другой раз. Могу я посмотреть вашу ногу?

– Если вам так хочется, – сказал он и поковылял обратно в дом.

– Да уж, это большая радость! – заметила Рейчел.

На кухне было тепло. Рейчел подкинула в печь березовое полено; стоило ей захлопнуть чугунную створку, из топки пахнуло сладковатым дымком.

– Давайте посмотрим ногу, – предложила Клэр.

Элвин поковылял к стулу, оставляя на полу кровавые следы. На обтянутой носком ступне возле большого пальца виднелась дыра с неровными краями, словно шерстяную ткань прогрызла крыса.

– Мне совсем не больно, – заявил он. – Если хотите знать мое мнение, из-за этого не стоит такой сыр-бор устраивать.

Клэр опустилась на колени и осторожно сняла носок. Шерсть отходила с трудом, и в этом была повинна не столько кровь, сколько пот и омертвевшая кожа.

– О боже! – ужаснулась Рейчел, зажимая нос рукой. – Ты когда-нибудь меняешь носки, Элвин?

Пуля пробила участок между первым и вторым пальцем. Клэр обнаружила выходное пулевое отверстие на подошве стопы. Кровь из него уже почти не сочилась. Стараясь не дышать, чтобы не вырвало, Клэр проверила, как двигаются

пальцы, и постановила, что нервы не задеты.

– Вам нужно будет каждый день промывать рану и менять повязку, – сказала она. – И придется сделать укол от столбняка, Элвин.

– О, мне уже делали.

– Когда?

– В прошлом году, старик Помрой делал. После того, как я сам в себя выстрелил.

– Это что, каждый год случается?

– В тот раз я прострелил другую ногу. Да ничего страшного.

Доктор Помрой скончался в январе, и, когда восемь месяцев назад Клэр выкупила практику у его наследников, к ней перешла картотека покойного. Нужно бы поднять медицинскую карту Элвина и уточнить дату последнего укола от столбняка.

– Я так понимаю, что промывать рану придется мне, – предположила Рейчел.

Клэр достала из своего чемоданчика флакончик бетадина и протянула его Рейчел.

– Разведите это в ведре с теплой водой. Пусть подержит ногу в этом растворе.

– Да я и сам могу это сделать, – заверил Элвин, вставая.

– Тогда нам проще сразу сделать ампутацию! – огрызнулась Рейчел. – Немедленно сядь, Элвин.

– Ничего себе! – пробурчал тот и снова сел.

Клэр оставила у Рейчел несколько упаковок с бинтами и марлевыми повязками.

– Элвин, явитесь ко мне на прием на следующей неделе, я осмотрю рану.

– Но у меня столько дел...

– Если вы не явитесь, мне придется отлавливать вас, как собаку.

Он удивленно заморгал.

– Хорошо, мэм, – жалобно согласился он.

Сдерживая улыбку, Клэр подхватила свой чемоданчик и вышла из дома.

Во дворе снова были собаки, теперь они дрались за грязную кость. Когда Клэр спустилась с крыльца, оба пса повернулись и уставились на нее.

Черный, рыча, бросился ей навстречу.

– Фу! – крикнула Клэр, но собака не собиралась уходить с дороги. Сделав еще несколько шагов навстречу, пес оскаллился.

Рыжая псина, улучив момент, схватила кость и потащила свой трофей в лес. Она почти уже перебежала двор, но черная собака вдруг заметила пропажу и снова бросилась драться. Визжа и рыча, животные рыже-черным клубком покатались по двору. Забытая кость валялась возле пикапа Клэр.

Она открыла дверцу и уже собралась было сесть за руль, но вдруг в ее сознании всплыла запечатлевшаяся картинка. Клэр посмотрела на землю, туда, где лежала кость.

Покрытая рыжеватой коркой грязи, она была чуть менее тридцати сантиметров в длину. С одного конца кость была обломана и покрыта зубринами. Другой остался цел, и по нему определялись анатомические ориентиры.

Это было бедро. И к тому же человеческое.

Шеф полиции Транквиля Линкольн Келли смог догнать свою жену только за шестнадцать километров от города.

Она ехала на ворованном «шевроле» со скоростью восемьдесят километров в час, виляя из стороны в сторону, а выхлопная труба, которая держалась на честном слове, искрила, попадая в выбоины.

– Обалдеть можно! – сокрушался Флойд Спир, сидевший рядом с Линкольном в патрульной машине. – Дорин сегодня в стельку.

– Я все утро мотался, – сказал Линкольн. – Не успел проследить за ней.

Он включил сирену, надеясь, что Дорин одумается и затормозит. Но она только прибавила газу.

– И что теперь? – осведомился Флойд. – Может, вызвать подкрепление?

Он имел в виду Хэнка Дорра – единственного, кто, кроме них, патрулировал город в то утро.

– Нет, – ответил Линкольн. – Давай попробуем уговорить ее остановиться.

– При скорости сто?

– Врубай мегафон.

Флойд схватил микрофон, и из динамика загремел его голос:

– Эй, Дорин, остановись! Ну же, милая, ведь покалечишь кого-нибудь!

Но «шевроле» по-прежнему мчался вперед, подпрыгивая и петляя.

– Можно подождать, пока у нее кончится бензин, – предложил Флойд.

– Продолжай говорить с ней.

Флойд снова приник к микрофону:

– Дорин, здесь Линкольн! Пожалуйста, дорогая, остановись! Он хочет извиниться!

– Я хочу – что?

– Остановись, Дорин, и он сам тебе все скажет!

– Что ты несешь, черт возьми? – возмутился Линкольн.

– Женщины всегда ждут от мужчин извинений.

– Но я ничего не сделал!

У «шевроле» вдруг зажглись стоп-сигналы.

– Видишь? – обрадовался Флойд, когда «шевроле» затормозил у обочины дороги.

Линкольн припарковался сзади и вышел из патрульной машины.

Дорин сидела сторбившись за рулем, ее рыжие волосы были спутаны и всклокочены, руки тряслись. Линкольн открыл дверцу, протянул руку над коленями жены и вытащил ключ из замка зажигания.

– Дорин, – устало произнес он, – тебе придется проехать с нами в участок.

– Когда ты вернешься домой, Линкольн? – спросила она.

– Поговорим об этом после. Пойдем сядем в машину, дорогая. – Он взял ее за локоть, но она высвободилась и для верности ударила его по руке.

– Я просто хочу знать, когда ты вернешься домой, – повторила она.

– Мы уже все обсудили, и не раз.

– Но мы все еще женаты. Ты мой муж.

– И нет смысла возвращаться к этому разговору. – Он снова взял ее за локоть.

Только он извлек ее из «шевроле», как Дорин, улучив момент, заехала ему прямо в челюсть. Линкольн слегка пошатнулся, в голове у него зазвенело.

– Эй! – Флойд ловко скрутил ей руки. – Послушай, это уж чересчур!

– Пусти меня! – завопила Дорин. Она вырвалась из рук Флойда и снова бросилась на мужа.

На этот раз Линкольну удалось увернуться от удара, что еще больше взбесило его жену. Она снова замахнулась на мужа, но Линкольну и Флойду наконец удалось скрутить ее.

– Мне очень не хотелось бы так поступать, – сказал Линкольн, – но сегодня ты ведешь себя очень неразумно. – Он защелкнул наручники на ее запястьях.

Дорин плюнула ему в лицо. Линкольн утерся рукавом, по-

сле чего терпеливо препроводил жену на заднее сиденье патрульной машины.

– О черт! – воскликнул Флойд. – Нам же придется заводить на нее дело.

– Знаю. – Линкольн вздохнул и сел за руль.

– Ты не можешь развестись со мной, Линкольн Келли! – крикнула Дорин. – Ты обещал, что будешь любить и оберегать меня!

– Я не знал о твоей тяге к бутылке, – возразил Линкольн, разворачивая машину.

Они неспешно возвращались в город, и всю дорогу Дорин ругалась на чем свет стоит. Всему виной было пьянство; именно оно вынуло пробку из бутылки со злыми духами.

Два года назад Линкольн ушел из дома. Этот брак забрал у него не только десять лет жизни, но и очень много усилий. Он был не из тех, кто пасует перед трудностями, но отчаяние в конце концов сломило его. В свои сорок пять лет он вдруг осознал, что жизнь проходит мимо, унылая и бестолковая. Ему бы очень хотелось остаться с Дорин, вновь проникнуться к ней теми нежными чувствами, которые она вызывала у него в начале их брака, когда была красивая и трезвая, а не пьяная и злобная, как сейчас. Иногда он пытался отыскать в своем сердце хотя бы какой-то след той любви, хотя бы искорку в груди пепла, но ничего не осталось. Пепел остыл. Да и сам он устал.

Линкольн пытался поддержать ее, но Дорин не понимала,

что ей необходима помощь. Раз в несколько месяцев, когда ее ярость достигала апогея, Дорин уходила в запой. Заканчивалось это тем, что она «брала напрокат» чей-то автомобиль и устраивала свои знаменитые гонки. Горожане уже знали, что нужно держаться подальше от дороги, когда Дорин Келли садится за руль.

Вернувшись в полицейский участок, Линкольн позволил Флойду самому оформить бумаги и отвести нарушительницу в камеру. Даже сквозь две запертые двери были слышны истошные вопли Дорин, которая требовала адвоката. Он подумал, что наверняка смог бы вызвать кого-нибудь для нее, хотя из местных никто за это дело не возьмется. И даже за пределами Транквиля, например в Бангоре, уже никто не примет ее с распростертыми объятиями. Он уселся за свой стол и принялся листать картотеку в поисках адвоката. Желательно того, к кому он давно не обращался. И кого бы не смутили оскорбления из уст подзащитной.

Пожалуй, чересчур много всего навалилось, да еще в такую рань. Он отставил картотеку и провел рукой по волосам. Дорин все еще кричала из камеры. Эта история непременно выплеснется на страницы вездесущей местной газеты, а потом ее подхватит пресса Бангора и Портленда, потому что для всего штата Мэн это лишний повод посудачить и посмеяться. «Шеф транквильской полиции арестовал собственную жену. В очередной раз».

Линкольн потянулся к телефону и только собрался на-

брать номер адвоката Тома Уайли, как в дверь его кабинета постучали. Подняв взгляд, он увидел стоявшую на пороге Клэр Эллиот и положил трубку.

– Здравствуйте, Клэр, – приветствовал он ее. – Еще не прошли техосмотр?

– Работаю над этим. Но я пришла не по поводу машины. Хочу кое-что показать вам. – Она выложила на стол грязную кость.

– Что это?

– Это бедренная кость, Линкольн.

– Что?

– Бедренная кость. Полагаю, человеческая.

Он уставился на кость, покрытую коркой грязи. Один ее конец был раздроблен, и на всей поверхности виднелись следы звериных клыков.

– Где вы это нашли?

– Возле дома Рейчел Соркин.

– А откуда она у Рейчел?

– Собаки Элвина Клайда приволокли ее во двор. Она не знает, откуда взялась кость. Я была там сегодня утром, осматривала Элвина. Он прострелил себе ногу.

– Опять? – Он закатил глаза, и оба рассмеялись.

Если каждому городку положено иметь своего сумасшедшего, в Транквиле эту роль исполнял Элвин.

– С ним все в порядке, – заверила Клэр. – Но думаю, этот огнестрел нужно зафиксировать в протоколе.

– Считайте, что это уже сделано. У меня целое досье на Элвина и его ранения. – Он жестом указал ей на стул. – А теперь расскажите мне про кость. Вы уверены, что она человеческая?

Клэр села. Хотя фактически их ничто не разделяло, Линкольн почти физически ощущал барьер сдержанности, стоявший между ними. Он почувствовал это с самой первой встречи, когда она, вскоре после переезда в Транквиль, пришла в трехкамерную тюрьму, чтобы осмотреть арестанта, который жаловался на боли в желудке. Она сразу заинтересовала Линкольна. Где ее муж? Почему она одна воспитывает сына? Но ему было неловко задавать ей личные вопросы, было непохоже, что она одобрит вторжение в частную жизнь. Приятная, но скрытная, Клэр, судя по всему, никого не хотела подпускать слишком близко, а жаль. Она красивая, невысокая, но крепкая, с ясными темными глазами и шапкой кудрявых каштановых волос, в которых уже проступали первые седые пряди.

Положив руки на стол, Клэр чуть нагнулась вперед.

– Я не эксперт, конечно, – призналась она, – но животного с такой костью я не могу себе представить. Судя по размеру, кость детская.

– А других костей рядом не было?

– Мы с Рейчел обыскали весь двор, но ничего не нашли. Собаки могли подобрать ее в лесу. Вам придется осмотреть местность.

– Вполне возможно, что это останки древних индейских захоронений.

– Не исключено. Но, наверное, все-таки нужно передать ее судмедэксперту. – Клэр вдруг повернулась, склонила голову и прислушалась. – Что это за шум?

Линкольн вспыхнул. Из камеры снова доносился крик Дорин – свежий поток брани.

– Будь ты проклят, Линкольн! Ничтожество! Подлый обманщик! Будь ты проклят!

– Видно, кто-то вас недолюбливает, – сказала Клэр.

Линкольн вздохнул и прижал руку ко лбу.

– Моя жена.

Взгляд Клэр смягчился и стал сочувственным. Похоже, она знала о его проблемах. Как и все жители города.

– Мне очень жаль, – проговорила она.

– Эй, ничтожество! – вопила Дорин. – Ты не имеешь права так обращаться со мной!

С видимым усилием Линкольн снова переключил свое внимание на странную находку.

– Как вы думаете, сколько лет было жертве?

Клэр взяла кость и повертела ее в руках. На мгновение она затихла, исполненная трепета от сознания того, что когда-то эта сломанная кость служила опорой резвому веселому человечку.

– Совсем ребенок, – пробормотала она. – Я бы предположила, что не больше десяти лет. – Положив кость на стол,

Клэр не отводила от нее взгляд.

– Последнее время о пропаже детей никто не заявлял, – заметил Линкольн. – Здешним поселениям несколько столетий, и старые кости то и дело обнаруживают. А в прошлом веке довольно часто умирали молодыми.

Клэр нахмурилась.

– Я не думаю, что этот ребенок умер естественной смертью, – тихо возразила она.

– Почему вы так решили?

Она протянула руку к настольной лампе и, включив ее, поднесла кость к свету.

– Вот, – показала она. – Под слоем земли это почти незаметно.

Линкольн полез в карман за очками – еще одно напоминание о прожитых годах, об ускользающей молодости. Наклонив голову, он попытался разглядеть то, что она показывала. Но только когда она аккуратно соскребла ногтем грязь, он увидел клиновидный надрез. Это был след топора.

2

Когда Уоррен Эмерсон наконец пришел в себя, он обнаружил, что лежит возле поленницы, а в глаза ему светит солнце. Последнее, что он помнил, – это полумрак, серебристый налет инея на траве и замерзшие комья земли. Он колот дрова – взмахивал топором и с удовольствием слушал отзвук удара, разносящийся в морозном воздухе. Сосну во дворе дома еще скрывала темнота.

Теперь солнце стояло над деревом, и это значило, что он пролежал на земле довольно долго – возможно, около часа, если судить по расположению светила на небе.

Уоррен медленно приподнялся и сел, его голова болела, как обычно в таких случаях. Руки и лицо занемели от холода; обе перчатки валялись в стороне. Он увидел лежавший рядом топор, лезвие было глубоко засажено в кленовое полено. Наколотые дрова – как раз на дневную растопку – были разбросаны вокруг. Эти наблюдения, а потом и их осмысление заняли у него много времени. Соображать было трудно – разрозненные и оборванные мысли будто бы уныло тащились откуда-то издалека. Но Уоррен проявлял терпение, зная, что вскоре все встанет на свои места.

Он вышел из дома на рассвете, чтобы наколоть дров на день. Плоды его труда были разбросаны по двору. Он почти уже закончил работу, но стоило ему вонзить топор в послед-

нее полено, как вдруг над ним сомкнулась темнота. Он упал прямо на дрова; наверное, поэтому они и разлетелись в разные стороны. Его нижнее белье было влажным; должно быть, он обмочился, как это всегда с ним случалось во время приступа. Оглядев свою одежду, он заметил мокрые пятна на джинсах.

А рубашка была в крови.

Он с трудом встал на ноги и, пошатываясь, медленно побрел к дому.

На кухне было жарко и душно от натопленной печи; ему стало не по себе, и, когда он дошел до ванной, перед глазами уже стояла мутная пелена. Он присел на побитую крышку унитаза, обхватил голову руками и стал ждать, пока рассеется туман в голове. Пришла кошка, потерлась о его икру и замыкала, требуя внимания. Уоррен потянулся к ней, и прикосновение к мягкой шерсти немного ободрило его.

Лицо постепенно обретало чувствительность, и он уже отчетливо ощущал пульсирующую боль в виске. Ухватившись за край раковины, он поднялся на ноги и посмотрел в зеркало. Над левым ухом седые волосы слиплись от крови. На щеке, словно краска, запеклась кровяная струйка. Он разглядывал собственное отражение в зеркале; шестьдесят шесть тяжелых зим, честная работа и одиночество изрезали его лицо глубокими морщинами. Его единственной собеседницей была кошка, которая сейчас мяукала в ногах, но не от нежности, а от голода. Он любил кошку; однажды ему предстоит

оплакивать ее смерть и устраивать мрачные похороны, а потом тосковать по ночам, не слыша ее мурчания, но Уоррен не питал иллюзий насчет взаимности этой любви.

Он разделся, сняв поношенную окровавленную рубашку и пропитанные мочой джинсы. Раздевался он так же тщательно, как и работал, – аккуратно складывая одежду на крышку унитаза. Он включил душ и встал под воду, не дожидаясь, пока она нагреется; дискомфорт длился всего мгновение и на фоне его холодной и неудобной жизни казался сущим пустяком. Он смыл кровь с волос, и свежую рану зашипало от мыла. Должно быть, он повредил кожу головы, когда упал на поленницу. Ничего, заживет, как и все остальные раны. Уоррен Эмерсон был ходячим свидетельством прочности рубцовых тканей.

Кошка возобновила свое мяуканье, как только он вышел из душа. Этот жалобный писк отчаяния невозможно было слушать, не испытывая чувства вины. Не одеваясь, он прошел на кухню, открыл банку «Фрискис» с кусочками курицы и ложкой наполнил миску Моны.

Радостно мурлыкнув, она набросилась на еду – теперь ей было все равно, дома хозяин или нет. Если бы не его умение работать консервным ножом, кошка не испытывала бы необходимости в его существовании.

Он пошел в спальню одеваться.

Когда-то это была комната его родителей; здесь до сих пор хранились их вещи. Кровать на пружинах, комод с медными

ручками, на стенах фотографии в оловянных рамках. Застегивая рубашку, он задержал взгляд на одной из них – темно-волосая девочка со смеющимися глазами. «Что сейчас делает Айрис? – подумал он, как делал это каждый день на протяжении всей своей жизни. – Вспоминает ли обо мне?» Взгляд переместился на другое фото. Это был их последний семейный портрет – улыбающаяся пухленькая мама и отец, скованно чувствующавший себя в костюме и галстукe. А вклинившийся между ними мальчик с зачесанными набок волосами – маленький Уоррен.

Он протянул руку и коснулся пальцами своего лица, такого, каким оно было у двенадцатилетнего мальчика. Он не мог вспомнить этого паренька. На чердаке лежали игрушечные поезда, приключенческие книжки и обломанные цветные карандаши, когда-то принадлежавшие ребенку с фотографии, но то был другой Уоррен – который играл в этом доме и с улыбкой позировал для семейного фото, стоя в окружении родителей. Совсем не тот Уоррен, которого он видел, когда смотрел в зеркало.

Он вдруг испытал непреодолимое желание вновь прикоснуться к игрушкам того ребенка.

Он забрался на чердак и подтащил к свету старый сундук для белья. Голая лампочка покачивалась над головой. Уоррен поднял крышку сундука. Внутри лежали сокровища. Он вытаскивал их по одному, раскладывая на пыльном полу. Банка из-под печенья с полной коллекцией миниатюр-

ных машинок «Матчбокс». Деревянный конструктор. Кожаный мешочек с шариками. И наконец нашел то, что искал, – шашки.

Он разложил доску и расставил шашки: красные со своей стороны, черные со стороны противника.

Мона взобралась на чердак и уселась рядом с ним, из ее рта пахло курицей. Какое-то время она с кошачьим презрением разглядывала доску. Потом грациозно подошла к ней и понюхала одну из черных шашек.

– Это твой первый ход? – спросил Уоррен.

Ход был не слишком удачным, но, в конце концов, чего можно ожидать от кошки? Он двинул за нее черную шашку, и она, казалось, была удовлетворена.

От порывов ветра за окном грохотали распахнутые ставни. Ветки сирени скребли обшивку дома.

Уоррен передвинул красную шашку и улыбнулся своей партнерше.

– Твой ход, Мона.

В половине седьмого пятилетия Изабель Моррисон прокралась в спальню своей старшей сестры Мэри Роуз и нырнула к ней под одеяло – так она поступала каждое буднее утро. Свернувшись клубочком в теплой постели и напевая под нос, она ждала пробуждения Мэри Роуз. Сестра переворачивалась с боку на бок, ворча и вздыхая, и ее длинные темные волосы щекотали лицо Изабель. Она считала Мэри Роуз самой красивой девочкой на свете. Сестра напоминала

ей спящую красавицу Аврору, ожидающую поцелуя принца. Иногда Изабель сама становилась прекрасным принцем и, хотя девочкам и не полагается целовать друг друга, прикасалась губами к губам сестры и объявляла: «Теперь ты должна проснуться!»

Однажды Мэри Роуз, притворившись спящей, неожиданно вскочила и, словно хихикающее чудовище, принялась нещадно щекотать Изабель; обе девочки скатились с кровати, слившись в счастливом хохоте и визге.

Вот бы Мэри Роуз и сейчас ее пощекотала. Вот бы она снова была нормальной.

Изабель приникла к уху сестры и прошептала:

– Ты не собираешься просыпаться?

Мэри Роуз натянула одеяло на голову.

– Уйди, зараза.

– Мамочка говорит, что пора в школу. Тебе надо вставать.

– Уйди из моей комнаты!

– Но уже пора...

Мэри Роуз, рассвирепев, резко и зло отпихнула сестру.

Изабель отползла к изножью кровати и улеглась там, замерев в тревожном молчании, потирая ушибленную голень и пытаясь осознать то, что произошло. Никогда еще Мэри Роуз не била ее. Она всегда просыпалась с улыбкой, дразнила ее Изабелькой-тефтелькой и заплетала ей косы, перед тем как уйти в школу.

Она решила предпринять новую попытку. Девочка на чет-

вереньках подползла к сестринской подушке, отогнула уголок одеяла и прошептала в ухо Мэри Роуз:

– А я знаю, что мама с папой собираются подарить тебе на Рождество. Хочешь, скажу?

Мэри Роуз тут же открыла глаза. И, повернувшись, в упор взглянула на Изабель.

Съездившись от страха, Изабель соскочила с кровати и уставилась в лицо, которое почти не узнавала. Лицо, которое пугало ее.

– Мэри Роуз! – прошептала она. И выбежала из комнаты.

Внизу, на кухне, мама, помешивая овсянку на плите, слушала радио, которое заглушали пронзительные крики длиннохвостого попугая Рокки. Когда заплаканная Изабель вбежала на кухню, мама повернулась к ней и проговорила:

– Уже семь часов. Твоя сестра собирается вставать?

– Мамочка, – в отчаянии захныкала Изабель. – Это не Мэри Роуз!

Ной Эллиот выполнил сальто на скейтборде – оттолкнувшись от обочины, взлетел в воздух, а затем аккуратно приземлился на асфальт. «Есть! Получилось!» От ветра полы его мешковатой одежды разлетались в стороны. Он проехал на скейтборде до учительской парковки, у обочины подпрыгнул на доске и, развернувшись в воздухе, пустился в обратный путь.

Только в эти мгновения он был сам себе хозяином; рассекая на скейтборде, он сам определял свою судьбу, выбирал

свой курс. Последнее время слишком многое решали за него другие – несмотря на возмущение и протесты, его увлекали в будущее, которого он не хотел. Но когда он мчался на доске и ветер бил ему в лицо, а земля уходила из-под ног, он принадлежал самому себе. Забывал о том, что вынужден прозябать в этом богом забытом городишке. Забывал – хотя бы на время этой захватывающей гонки, – что отца уже нет и прежней жизни больше никогда не будет.

Ной чувствовал, как за ним наблюдают новенькие девчонки. Они сбились в небольшую группку за классами на колесах, их гладкие головки дружно склонялись друг к другу под звонкое хихиканье. Их лица одновременно поворачивались в сторону Ноя, а глаза следили за его движениями. Он редко заговаривал с ними, да и они только иногда заводили беседу, но в обеденное время всегда выходили во двор, чтобы понаблюдать за его произвольной программой.

Ной был не единственным скейтбордистом в старшей школе Нокс, но определенно лучшим, и девчонки неизменно держали его в поле зрения, тогда как на других парней, носившихся на досках по асфальту, не обращали особого внимания. Те ребята всего лишь выпендрожники, чуваки, которые строят из себя скейтбордистов и разряжаются в специальную одежду для этого вида спорта. Да, прикид подобран правильно – шорты «Бердхаус», обувь «Кевлар» и брюки настолько широкие, что отвороты волочатся по земле, – но все равно они провинциальные выпендрожники. Они же не ка-

тались на скейтах с крутыми пацанами в Балтиморе.

Когда Ной снова развернулся, он заметил, как на обочине дорожки блеснули чьи-то светлые волосы. За ним наблюдала Амелия Рейд. Она стояла одна и, как всегда, прижимала к груди книгу. Амелия была типичной «сладкой» девочкой – вся из себя идеальная, прямо-таки золотая. Не то что ее нелепые братцы, которые вечно донимают его в столовой. Ной никогда прежде не замечал, чтобы она наблюдала за ним, и от сознания, что ее внимание сейчас сосредоточено именно на нем, у мальчика задрожали колени.

Он подпрыгнул на доске и едва не потерял ее при приземлении. «Сосредоточься, парень! Не раскисай». Он со свистом пронесся к преподавательской парковке, развернулся и с грохотом помчался по бетонному пандусу. С одной стороны спуск был огорожен перилами. Он вспрыгнул прямо на них. Съезд обещал быть классным.

Если бы Тейлору Дарнеллу не вздумалось оказаться у него на пути.

– С дороги! – заорал Ной, но Тейлор не успел вовремя среагировать.

В последнее мгновение Ной спрыгнул с доски и повалился на землю. Скейтборд, набирая скорость, скатился по перилам и врезался прямо в спину Тейлора.

Дарнелл подпрыгнул от удара.

– Какого черта! – заорал он. – Кто это кидается?

– Я не кидался, старик, – возразил Ной, поднимаясь с зем-

ли. Кожа у него на ладонях была содрана, колено пульсировало от боли. – Случайно получилось. Ты просто оказался на пути. – Ной нагнулся поднять скейтборд, который перевернулся при падении.

Тейлор нормальный парень, он одним из первых подошел к Ною знакомиться, когда тот восемь месяцев назад приехал в город. Иногда они даже тусовались вместе, демонстрируя друг другу новые трюки на досках. Поэтому Ной был потрясен, когда Тейлор вдруг ударил его со всей силы.

– Эй! Послушай! В чем дело? – возмутился Ной.

– Ты кинул в меня доску!

– Да нет, не кидал.

– Все видели! – Тейлор оглядел подоспевших зевак. – Вы видели?

Никто ничего не сказал.

– Я же говорю, это вышло случайно, – пояснил Ной. – Извини, старик.

Со школьного двора донесся смех. Тейлор увидел девочек и догадался, что они наблюдают за перепалкой; его лицо тут же стало пунцовым от злости.

– Заткнитесь! – рявкнул он. – Идиотки!

– Да ты что, Тейлор? – попытался успокоить его Ной. – В чем дело-то?

Остальные скейтбордисты подхватили свои доски и окружили парней. Один из них решил пошутить:

– А знаете, почему Тейлор стоял на пути?

– Почему?

– Да потому что он только стоять и умеет, в отличие от его члена!

Все скейтеры расхохотались, в том числе и Ной. Просто не смог удержаться.

К удару он был совершенно не готов. Казалось, этот убийственный удар кулаком в челюсть обрушился из ниоткуда. У него зазвенело в голове, он зашатался и упал попой на асфальт. Некоторое время он не двигался, но вскоре потрясение сменилось вспышкой ярости – в ушах зазвенело, а перед глазами стало темно. «Он был моим другом – и ударил меня!»

Ной, покачиваясь, поднялся на ноги и бросился напрямик на Тейлора. Мальчишки повалились на землю; Ной оказался сверху. Они катались по асфальту, размахивая руками, но никому не удавалось нанести решающий удар. В конце концов Ной сковал противника, прижав его к асфальту, но чувство было такое, будто он сдерживает шипящую кошку.

– Ной Эллиот!

Он замер, но руки его по-прежнему сжимали запястья Тейлора. Ной медленно повернул голову и увидел директора школы мисс Корнуоллис, стоявшую прямо над ними. Зрители расступились и наблюдали за происходящим с безопасного расстояния.

– Встаньте! – приказала мисс Корнуоллис. – Оба!

Ной тотчас отпустил противника и поднялся. Тейлор, чье

лицо от ярости приобрело багровый оттенок, завопил:

– Он меня толкнул! Он меня толкнул, и я был вынужден защищаться!

– Это неправда! Он первый начал!

– Он бросил в меня скейтборд!

– Ничего я не бросал. Это вышло случайно!

– Случайно? Ты врешь!

– Замолчите! Оба! – крикнула мисс Корнуоллис.

На школьном дворе воцарилась зловещая тишина – все испуганно смотрели на директора. Они никогда еще не слышали, чтобы мисс Корнуоллис кричала. Она была чопорной, но красивой женщиной, носила костюмы и туфли на низком каблуке, а светлые волосы убирала в аккуратный пучок-ракушку. То, что она может так кричать, было для всех открытием.

Переведя дух, мисс Корнуоллис быстро взяла себя в руки.

– Отдай мне свой скейтборд, Ной.

– Но это вышло нечаянно. Я не бил его.

– Ты валял его по земле. Я сама видела.

– Но я его не бил!

Директор вытянула руку:

– Отдай мне доску.

– Но...

– Сейчас же.

Ной подошел к лежавшей чуть поодаль доске. Это был выдавший виды скейт с обломанным краем, который Ной за-

мотал изолентой. Доску ему подарили на тринадцатый день рождения. С тыльной стороны он украсил ее наклейкой с зеленым драконом, из пасти которого вырывается красное пламя, а колеса объезжал на улицах Балтимора, где жил раньше. Он любил свой скейт, потому что с ним были связаны самые дорогие воспоминания в его жизни. Доска напоминала ему обо всем, что осталось в прошлом. Он немного подержал ее в руках, а потом молча протянул мисс Корнуоллис.

Директриса приняла ее с отвращением. Повернувшись к остальным учащимся, повелела:

– Больше никакого скейтбординга на территории школы. Прошу сегодня же унести домой все доски. Если увижу завтра хоть одну, отберу без разговоров. Всем ясно?

Ребята молча кивнули.

Мисс Корнуоллис снова обратилась к Ною:

– Ты остаешься в школе до половины четвертого.

– Но я ничего не сделал!

– Сейчас ты пойдешь ко мне в кабинет. Посидишь там, поразмыслишь о своем поведении.

Ной хотел было поспорить, но вовремя прикусил язык. Все смотрели на него. Он заметил Амелию Рейд, которая все стояла у беговой дорожки, и его лицо вспыхнуло от стыда и унижения. Молча, с поникшей головой, он проследовал за мисс Корнуоллис к зданию школы.

Остальные скейтеры угрюмо расступились, пропуская его. Уже отдалившись от толпы, он услышал, как один из

мальчишек процедил:

– Спасибо тебе, Эллиот. Удружил ты нам.

Если желаете почувствовать пульс городка Транквиль, отправляйтесь в ресторанчик «Монаганз». Ежедневно в полдень здесь собирается Клуб динозавров. Собственно, это даже не клуб, а посиделки за чашкой кофе – шесть-семь пенсионеров, которые за неимением других дел собираются возле стойки Надин и с восхищением разглядывают пирожки под пластиковыми колпаками. Клэр понятия не имела, откуда у клуба взялось такое странное название. Впрочем, она подозревала, что чья-нибудь женушка, устав от ежедневных отлучек мужа, однажды ляпнула ему что-нибудь вроде: «Ой, опять ты со своим сборищем динозавров!» Так и прилипло это название, как обычно бывает с меткими определениями. Все члены клуба – мужчины, всем далеко за шестьдесят. Надин было пятьдесят с небольшим, но она и не числилась в клубе, поскольку работала у стойки. Надо отдать ей должное – Надин хватало чувства юмора, чтобы терпеть дурацкие шутки и сигаретный дым.

Спустя четыре часа после обнаружения бедренной кости Клэр зашла в «Монаганз» перекусить. Динозавры в количестве семи человек, все в оранжевых блейзерах поверх фланелевых рубашек, сидели как обычно – на высоких стульях слева от барной стойки, возле специального аппарата для приготовления молочных коктейлей.

Когда Клэр вошла в кафе, Нэд Тиббетс обернулся и кив-

нул. Приветствие не было приветливым – скорее вежливым, но мрачным:

– Доброе утро, док.

– Доброе утро, господин Тиббетс.

– Сегодня ожидается жуткий ветер.

– На улице уже зябко.

– Ветер с северо-запада. Может, и снег к вечеру пойдет.

– Чашечку кофе, док? – предложила Надин.

– Спасибо.

Нэд повернулся к остальным динозаврам, которые, по-разному отреагировав на появление Клэр, продолжили беседу. По именам она знала только двоих; остальные были знакомы в лицо. Клэр села с другой стороны стойки, одна, как и было положено чужаку. Конечно, люди относились к ней хорошо. Они улыбались и были вежливы. Но для них, живших здесь с рождения, ее восьмимесячное пребывание в Транквиле было не более чем временной остановкой, попыткой городской девчонки пожить простой жизнью. Казалось, все считали, что зима станет для нее проверкой на прочность. Четыре месяца снежных бурь и гололеда заставят ее вернуться в родной город, как это было с двумя ее предшественниками, сбежавшими от трудностей.

Надин поставила перед Клэр дымящуюся чашку кофе.

– Полагаю, вы уже все о ней знаете, верно? – спросила она.

– Все знаю – о чем?

– О кости.

Надин терпеливо ждала, пока Клэр внесет свой вклад в копилку городских сплетен. Как большинство женщин штата Мэн, Надин была приучена слушать. Вести разговоры считалось здесь привилегией мужчин. Клэр уже имела возможность убедиться в этом. Каждый раз, заходя в местные магазины или на почту, она замечала, что мужчины толпятся у входа и оживленно беседуют, а их жены молча стоят в сторонке и наблюдают.

– Я слышал, это кость ребенка, – проговорил Джо Барлетт, развернувшись на стуле в сторону Клэр. – Бедренная кость.

– Верно, док? – переспросил другой.

Остальные динозавры тоже обернулись и уставились на Клэр.

– Кажется, вы уже все знаете, – улыбнувшись, ответила она.

– Говорят, на ней приличный след от удара. Ножом или топором. Да еще и звери здорово обгрызли.

– Вот вам сегодня тема-то для разговоров, – фыркнула Надин.

– За три дня в здешних лесах еноты и койоты обглодают кости начисто. Потом еще собаки Элвина полакомятся. Знаете, он ведь их почти не кормит. А такая косточка для них – лакомый кусочек. Возможно, его собаки глодали ее неделями. А Элвину даже невдомек посмотреть, что они там грызут.

– Куда там Элвину, он же вообще думать не умеет! – рас- смеялся Джо.

– А может, он и сам подстрелил этого ребенка. Просто принял за оленя.

– Кость с виду очень старая, – вмешалась Клэр.

Джо Бартлетт сделал знак Надин.

– Я решил, что взять. Сделай-ка мне сэндвич «Мон- те-Кристо».

– Ого! Джо у нас сегодня шикаует! – воскликнул Нэд Тиб- бетс.

– А вам, док? – спросила Надин.

– Пожалуйста, сэндвич с тунцом и грибной суп.

Клэр обедала и прислушивалась к разговору мужчин, жи- во обсуждавших, кому могла принадлежать кость. Не слы- шать было невозможно – трое из них носили слуховые аппа- раты. Динозавры помнили события аж шестидесятилетней давности и с удовольствием, словно шариками, жонглирова- ли самыми невероятными версиями. Может, это та девочка, что упала с Лысого утеса? Нет, ее тело нашли, верно ведь? А может, это дочка Джейветта – не она ли сбежала из до- ма в шестнадцать лет? Нэд возразил: его мама рассказыва- ла, что та живет в Хартфорде; этой девчонке, похоже, сей- час за шестьдесят – наверное, уже бабушка. Фред Муди ска- зал, мол, его жена Флорида считает, что мертвая девушка не здешняя – наверное, из тех, что приезжали на лето. В Тран- квиле зорко следили за судьбой своих жителей, и неужели

пропустили бы исчезновение местного ребенка?

Надин налила Клэр еще одну чашку кофе.

– Они, наверное, не успокоятся, – заметила она. – Будто бы дело государственной важности обсуждают.

– А все-таки откуда они узнали про кость?

– Джо – троюродный брат Флойда Спира, нашего полицейского. – Надин начала проворно протирать стойку; от ее тряпки исходил едва уловимый запах хлорки. – Говорят, сегодня из Бангора прибывает какой-то специалист по костям. А я так считаю, что это останки кого-нибудь приезжего.

В самом деле, такой вариант представлялся очевидным – какой-нибудь приезжий. И не важно, шла речь о нераскрытом преступлении или о неопознанном теле, такая версия устраивала всех. В июне население Транквиля возрасало вчетверо – это богатеи из Бостона и Нью-Йорка начинали прибывать на каникулы в свои домики у озера. Здесь, на мирном летнем поселении, они не жили в шезлонгах во дворах своих коттеджей, а их дети плескались в воде. В магазинах Транквиля начинали весело позвякивать кассовые аппараты, отсчитывая доллары, которые приезжие вливали в местную экономику. Кому-то нужно было убираться в коттеджах, ремонтировать шикарные автомобили, доставлять продукты. Денег, которые успевали заработать за это короткое летнее время, местным жителям хватало на то, чтобы пережить зиму.

Именно деньги заставляли их терпеть чужаков. А еще тот

факт, что в сентябре, с началом листопада, гости снова исчезали, оставляя городок тем, кто в нем родился и жил.

Клэр закончила обед и пешком отправилась в свой офис.

Центральная улица Транквиля изгибалась вдоль берега озера. В главной части Элм-стрит располагались автозаправка и сервис Джо Бартлетта, которыми он управлял в течение сорока двух лет, пока не отошел от дел; теперь две его внучки заправляли бензин и меняли масло. Вывеска над гаражом гордо провозглашала: «Владельцы и распорядители – Джо Бартлетт и внучки». Клэр всегда нравилась эта вывеска; ей казалось, она многое говорит о хозяине, Джо Бартлетте.

У здания почты Элм-стрит сворачивала к северу. С озера уже дул тот самый северо-западный ветер. Он бесчинствовал в узких переулках между зданиями, превращая прогулку по тротуару в преодоление целой серии ледяных коридоров. Из окна, располагавшегося над универсальным магазинчиком, тарасился черный кот, будто удивляясь глупости существ, выползших на улицу в такую погоду.

Рядом с магазином располагалось желтое здание в викторианском стиле, где Клэр принимала больных.

Прежде здание служило доктору Помрою одновременно и офисом и домом. На потускневшем стекле входной двери до сих пор сохранилась вывеска: «Медицинский кабинет». И хотя надпись «врач Джеймс Помрой» заменили на «врач Клэр Эллиот, семейный доктор», иногда ей казалось, что на неровном стекле сквозь свеженанесенные буквы, словно

призрак, проступает старая надпись, не желающая впускать новую обительницу.

За стойкой регистратуры болтала по телефону помощница Клэр Вера; когда она листала регистрационный журнал, ее браслеты издавали мелодичный звон. Прическа Веры отражала ее характер – растрепанная, курчавая и неровная. Она прикрыла рукой трубку и сообщила Клэр:

– Мейрид Темпл ждет вас в кабинете осмотра. У нее болит горло.

– Много у нас записей на сегодня?

– Придут еще двое, и все.

«Итого шесть пациентов в день», – встревожилась про себя Клэр. С тех пор как разъехались летние туристы, практика Клэр заметно сократилась. Она была единственным практикующим врачом в Транквиле, и все-таки большинство местных жителей ездили за медицинской помощью в Ту-Хиллз, что в тридцати километрах отсюда. И Клэр знала почему: мало кто в городе верил, что она продержится дольше чем одну суровую зиму, и люди не видели смысла привязываться к врачу, которая уедет уже к следующей осени.

Мейрид Темпл была одной из немногих пациенток, которых удалось привлечь, и то лишь потому, что у Мейрид не было машины. Она прошла полтора километра пешком, чтобы попасть в город, и сейчас, сидя в кресле, пыталась отдышаться после прогулки по холоду. Мейрид стукнул восемьдесят один год, и у нее не было ни зубов, ни миндалин. Ни

почтения к специалисту.

Осмотрев горло Мейрид, Клэр заключила:

– Оно действительно очень красное.

– Я это и без вас знаю, – отозвалась Мейрид.

– Но у вас нет температуры. И лимфоузлы не воспалены.

– Но болит ужасно. И глотать не могу.

– Я возьму мазок из зева на анализ. Завтра узнаем, фарингит ли это. Но я думаю, это просто вирус.

Мейрид своими маленькими подозрительными глазками зорко следила за тем, как Клэр вскрывает упаковку с тампоном.

– Доктор Помрой всегда прописывал мне пенициллин.

– Антибиотики не действуют на вирус, госпожа Темпл.

– Но он мне всегда помогал, пенициллин этот.

– Скажите «а-а-а».

Когда Клэр брала мазок, Мейрид поперхнулась. Она напомунала черепаху – вытянула морщинистую шею и беззубым ртом начала хватать воздух. Глаза у нее слезились.

– Помрой практиковал очень долго, – заявила она. – Всегда знал, что делал. Вам всем, молодым докторам, было чему у него поучиться.

Клэр вздохнула. Неужели ее вечно будут сравнивать с доктором Помроем? Его надгробие занимает почетное место на городском кладбище, что на Маунтин-стрит. Клэр видела его загадочные записи в старых медицинских картах, и иногда у нее возникало ощущение, будто призрак Помроя ходит за

ней по пятам. И конечно, это он встал сейчас между ней и Мейрид. Даже после его смерти горожане говорили о нем как о своем докторе.

– Давайте послушаем легкие, – сказала Клэр.

Мейрид что-то буркнула и начала раздеваться. На улице было холодно, и она утеплилась. Свитер, хлопковая рубашка, термобелье, бюстгальтер – все это пришлось снять, иначе Клэр не смогла бы приложить стетоскоп к ее грудной клетке.

Сквозь биение сердца Мейрид до Клэр донесся легкий стук в дверь, и она подняла голову.

В кабинет заглянула Вера.

– Звонок по второй линии.

– Ты можешь принять сообщение?

– Это ваш сын. Он не хочет говорить со мной.

– Прошу прощения, госпожа Темпл, – извинилась Клэр и поспешила в свой кабинет к телефону. – Ной!

– Тебе придется заехать за мной. Я не успею на автобус.

– Но сейчас только четверть третьего. Автобус еще не уехал.

– Меня оставили после уроков. Отпустят не раньше половины четвертого.

– Почему? Что случилось?

– Я не хочу говорить об этом.

– Но я же все равно узнаю, милый.

– Только не сейчас, мама. – Он хлопнул носом, и в его голосе зазвучали слезы. – Пожалуйста. Просто приезжай и

забери меня, пожалуйста.

Связь оборвалась. Представив своего сына в слезах, в беде, Клэр тут же перезвонила в школу. Но пока она дозванивалась секретарю, Ной уже ушел из кабинета, а с мисс Корнуоллис ей поговорить не удалось.

У Клэр оставался всего час на то, чтобы закончить с Мейрид Темпл, принять еще двух пациентов и доехать до школы.

Озабоченная цейтнотом и проблемами сына, она вернулась в кабинет осмотров и с тревогой обнаружила, что Мейрид уже оделась.

– Но я еще не закончила осмотр, – сказала Клэр.

– Да нет уж, хватит, – проворчала Мейрид.

– Но, госпожа Темпл...

– Я пришла за пенициллином. А не за тем, чтобы мне совали в горло тампон.

– Пожалуйста, присядьте в кресло. Я понимаю, что мои методы несколько отличаются от методов доктора Помроя, но на то есть причины. Антибиотики не борются с вирусом, зато могут вызвать побочные эффекты.

– Никогда у меня не было никаких побочных эффектов.

– Результат анализа мы получим уже завтра. Если это стрептококк, я пропишу вам ваше лекарство.

– Опять придется тащиться в город. У меня на это полдня уходит.

И тут Клэр поняла, в чем дело. За каждым анализом, каждым новым рецептом Мейрид нужно было пройти пешком

почти два километра до города, а потом еще столько же обратно.

Вздохнув, она достала блокнот с бланками рецептов. И в первый раз за все время осмотра увидела улыбку на лице Мейрид. Довольную. Торжествующую.

Изабель тихо сидела на диване, боясь пошевелиться, боясь вымолвить хоть слово.

Мэри Роуз была очень, очень свирепа. Мама еще не пришла, и Изабель с сестрой были дома одни. Она никогда не видела Мэри Роуз в таком состоянии – сестра металась взад-вперед по комнате, словно тигрица в клетке, кричала на нее. На нее, Изабель! Мэри Роуз была такой злой, что ее лицо сморщилось и стало уродливым, она уже не напоминала принцессу Аврору, а походила, скорее, на злую королеву. Изабель не узнавала свою сестру. В ней сидел кто-то очень плохой.

Изабель еще сильнее вжалась в подушки, с опаской наблюдая за тем, как кто-то плохой в обличье Мэри Роуз носится по гостиной, постоянно бурча: «Никуда не могу пойти, ничего не могу сделать, и все из-за тебя! Постоянно должна торчать дома. Нашли тоже няньку-рабыню! Чтоб ты сдохла. Как я хочу, чтобы ты сдохла!»

«Но я же твоя сестра!» – хотелось крикнуть Изабель, но она не смела даже пикнуть. Она заплакала, и тихие слезы капали на подушки, оставляя мокрые пятна. О нет! Это еще больше взбесит Мэри Роуз.

Изабель дождалась, пока сестра повернется к ней спиной, осторожно соскользнула с дивана и бросилась на кухню. Она спрячется там, подальше от Мэри Роуз, пока не придет мама. Она забилась за буфет и села на холодный кафель, подтянув колени к груди. Если сидеть тихо, то Мэри Роуз ее не найдет. Она видела часы на стене и знала, что, когда короткая стрелка будет на цифре пять, мама вернется домой. Ей очень хотелось писать, но она понимала, что придется ждать, ведь только здесь она в безопасности.

И тут пронзительно заверещал попугай Рокки. Его клетка размещалась в нескольких шагах от нее, возле окна. Изабель посмотрела на попугая, мысленно призывая его замолчать, но Рокки был не слишком умен и не унимался. Мама не раз говорила: «Мозги у Рокки куриные», и сейчас он криками доказывал это.

«Тише! Ну пожалуйста, заткнись, иначе она найдет меня!»

Поздно. На кухне слышались шаги. Открылся ящик кухонного шкафа, и столовые приборы со звоном посыпались на пол. Мэри Роуз разбрасывала в разные стороны ножи и вилки. Изабель свернулась калачиком и крепче прижалась к стенке буфета.

Предатель Рокки вылупился на нее и пронзительно завопил, как будто хотел сказать: «Вот она! Вот она!»

Мэри Роуз оказалась в поле зрения Изабель, но на нее она не смотрела. Она уставилась на Рокки. Подошла к клетке и

стояла, разглядывая попугая, который продолжал верещать. Мэри Роуз открыла дверцу клетки и просунула туда руку. Рокки в панике замахал крыльями, взметая перья и корм. Она схватила бедную птицу – трепещущий комок зеленова-то-голубого цвета – и вытащила ее из клетки. Одним ловким движением она свернула попугаю шею. Рокки обмяк.

Мэри Роуз швырнула тушку об стену. Мертвая птица плюхнулась на пол печальной кучкой перьев.

Немой крик застрял в горле Изабель. С трудом сдержав его, девочка уткнулась лицом в колени, с ужасом ожидая, что сестра точно так же свернет шею и ей.

Но Мэри Роуз вышла из кухни. А потом из дома.

3

Клэр приехала в четыре часа и застала Ноя сидящим на ступеньках у входа в школу. Она спешно приняла двух своих пациентов и сразу же поехала в школу, которая находилась в восьми километрах от ее кабинета, но все-таки опоздала на полчаса; судя по виду, сын злился. Он не сказал ни слова, просто залез в пикап и громко хлопнул дверцей.

– Пристегнись, сынок, – попросила она.

Он потянул ремень и щелкнул замком. Некоторое время они ехали молча.

– Я тебя целую вечность дожидался. Почему ты так поздно? – наконец спросил он.

– Мне нужно было принять пациентов, Ной. А почему тебя задержали?

– Я не виноват.

– А кто же виноват?

– Тейлор. Он становится таким придурком. Не знаю, что на него нашло. – Вздохнув, он откинулся на спинку сиденья. – Я-то думал, что мы с ним друзья. А выходит, он меня ненавидит.

Клэр посмотрела в его сторону:

– Ты говоришь о Тейлоре Дарнелле?

– Да.

– А что случилось?

– Все получилось нечаянно. Мой скейтборд врезался в него. И он тут же набросился на меня с кулаками. Ну, я дал сдачи, и он упал.

– Почему ты не позвал учителя?

– Никого рядом не было. А потом вышла мисс Корнуоллис, и Тейлор вдруг завопил, что это я виноват. – Он отвернулся от Клэр, но она успела заметить, как сын украдкой провел рукой по глазам.

«Он так старается казаться взрослым, – подумала она, ощутив внезапный приступ жалости, – но, в сущности, еще совсем ребенок».

– Она отобрала у меня скейтборд, мам, – тихо произнес он. – Ты не можешь вернуть его?

– Завтра я позвоню мисс Корнуоллис. Но прежде хочу, чтобы ты позвонил Тейлору и извинился.

– Но это он набросился на меня! И он должен извиниться!

– Тейлору сейчас нелегко, Ной. Его родители только что развелись.

Сын взглянул на мать:

– Откуда ты знаешь? Он что, твой пациент?

– Да.

– А что у него?

– Ты же знаешь, я не могу говорить об этом.

– Как будто ты вообще о чем-то говоришь со мной, – пробормотал он и снова отвернулся к окну.

Ей хватило ума не заглотив наживку, поэтому Клэр ни-

чего не сказала в ответ, предпочитая молчание неизбежному спору, который мог бы возникнуть между ними, поддаваясь она на провокацию.

Наконец он снова заговорил, но так тихо, что она едва разбирала слова:

– Я хочу домой, мам.

– Я тебя туда и везу.

– Нет, я имею в виду домой. В Балтимор. Я больше не хочу здесь жить. Здесь нет ничего, кроме деревьев да всяких стариканов, разъезжающих на своих пикапах. Мы здесь чужие.

– Теперь наш дом здесь.

– А мой – нет.

– Ты и не пытался освоиться на новом месте.

– А разве у меня был выбор? Разве ты меня спросила, хочу ли я переезжать?

– Нам обоим придется привыкнуть к этому городу. Мне тоже нелегко, поверь.

– А зачем нам надо было переезжать?

Крепче сжав руль, она смотрела вперед, на дорогу.

– Ты знаешь зачем.

Они оба это знали. Балтимор они покинули именно из-за него. Подумав о будущем сына, она ужаснулась своим мыслям. Опасные друзья, которых становилось все больше. Участвовавшие звонки из полиции. В перспективе – снова залы суда, адвокаты и психотерапевты. Она представила, что ждет их в Балтиморе, и, схватив сына в охапку, опрометью броси-

лась вон из города.

– Только из-за того, что ты утащила меня в лес, я не стану паинькой, – возразил он. – Я и здесь могу буяннить с тем же успехом. Так что вполне можно вернуться.

Она остановилась возле дома и повернулась к сыну:

– Безобразия не помогут тебе вернуться в Балтимор. Либо ты станешь человеком, либо нет. Выбор за тобой.

– Разве я вообще могу делать выбор?

– Можешь, у тебя есть альтернатива. И я хочу, чтобы с этого момента ты делал правильный выбор.

– Ты имеешь в виду то, что сама считаешь правильным. – Он выскочил из машины.

– Ной! Ной!

– Оставь меня в покое! – крикнул он. И, хлопнув дверцей, пошел к дому.

Клэр не последовала за ним. Она сидела, сжимая руль, слишком уставшая и расстроенная, чтобы сражаться с сыном. Она резко сдала назад и вырулила со двора. Им обоим нужно время, чтобы остыть, привести в порядок чувства и мысли. Свернув на шоссе Тодди-Пойнт, она поехала вдоль берега озера Саранча. Вожделение в качестве терапии.

Насколько все было проще, когда был жив Питер, – стоило ему скосить глаза, сын уже смеялся. Клэр с тоской вспоминала те дни, когда они были счастливы, были едины.

«Мы осиротели без тебя, Питер. Я скучаю по тебе. Скучаю каждый день, каждый час. Каждую минуту своей жизни».

Сквозь пелену слез посверкивали огоньки прибрежных коттеджей. Она миновала изгиб шоссе, проехала Валуны, и вдруг огоньки стали не белыми, а голубыми, они будто плясали между деревьями.

Оказалось, что возле дома Рейчел Соркин припарковалась полицейская патрульная машина.

Клэр остановилась на подъездной аллее. Во дворе стояли три автомобиля – два патрульных и белый фургон. На крыльце полицейский штата Мэн беседовал с Рейчел. За деревьями мелькали лучи фонариков.

Клэр увидела Линкольна Келли, который вышел из леса. Это его движущийся силуэт выхватил луч прожектора. Линкольн не был высоким, но выделялся своей осанкой, а уверенная поступь добавляла ему солидности. Он остановился и заговорил с патрульным, потом заметил Клэр и направился к ее пикапу.

Она опустила стекло.

– Нашли еще кости? – поинтересовалась она.

Линкольн нагнулся, принеся с собой аромат леса – сосен, земли и дымка.

– Да. Собаки вывели нас к реке, – сказал он. – Этот берег здорово размыло весной после всех наводнений. Поэтому кости и оказались на поверхности. Но, боюсь, дикие звери уже растащили большую часть по лесу.

– Медэксперт считает, что это убийство?

– Это уже не в его компетенции. Кости слишком старые.

Теперь ими занимается судебный антрополог. Если хотите, можете поговорить с ней. Ее зовут доктор Оверлок.

Он открыл дверцу, и Клэр выбралась из машины. Они вместе двинулись в темноту леса. Сумерки мгновенно сгустились, превращаясь в ночную мглу. Земля под ногами была неровная, устланная опавшими листьями, и, угодив в заросли кустарника, Клэр споткнулась. Линкольн помог ей удержать равновесие. Он, казалось, не испытывал никакого дискомфорта, прокладывая путь в темноте, и его тяжелые ботинки уверенно ступали по земле.

За деревьями показались огоньки, и до Клэр донеслись голоса и журчание бегущей воды. Они с Линкольном вышли из леса на берег речки. Размытый участок уже был огорожен полицейской лентой, натянутой на колышки, а на брезенте лежали извлеченные из земли грязные кости. Клэр узнала большую берцовую кость и какие-то фрагменты, видимо части таза. Двое мужчин в высоких охотничьих сапогах стояли по колено в воде, осторожно подкапывая берег; на их головах были закреплены фонарики.

Люси Оверлок стояла среди деревьев и разговаривала по мобильному телефону. Она и сама напоминала дерево – высокая и крепкая; Люси, как заправский лесник, надела джинсы и тяжелые ботинки. Ее волосы, почти совсем седые, были стянуты в тугий и строгий конский хвост. Она заметила Линкольна и, устало махнув ему рукой, продолжила свой разговор по телефону.

– ...Пока никаких артефактов, только скелетные останки. Но я вас уверяю, это захоронение не подпадает под закон о могилах¹. Череп явно принадлежал европеоиду, а не индейцу. Что значит как я определила? Ну это же очевидно! Черепная коробка слишком узкая, и лицо недостаточно широкое. Нет, конечно. Я не берусь утверждать на сто процентов. Но место захоронения – озеро Саранча, а здесь никогда не было поселений пенобскотов. Это племя даже не рыбачило здесь, это озеро для них всегда было под запретом. – Она подняла глаза к небу и покачала головой. – Разумеется, вы можете сами провести осмотр костей. Но сейчас нам необходимо закончить раскопки, прежде чем здесь похозяйничают звери, иначе мы вообще все потеряем. – Она нажала на отбой и сердито посмотрела на Линкольна. – Битва за право первенства.

– Из-за костей?

– Да это все закон о могилах. Охрана индейских захоронений. Каждый раз, когда мы находим останки, индейцы требуют стопроцентного подтверждения, что это не относится к их племенам. Девяносто пять процентов их, видите ли, не устраивают. – Она перевела взгляд на Клэр, которая сделала шаг вперед, чтобы представиться.

– Люси Оверлок, – объявил Линкольн. – А это Клэр Эллиот. Доктор, нашедшая бедренную кость.

¹ Имеется в виду Закон о защите и возвращении могил коренных американцев. Принят в 1990 году.

Женщины пожали друг другу руки – деловое приветствие двух профессиональных медиков, встречающихся по невестелому делу.

– Нам повезло, что именно вы увидели кость, – сказала Люси. – Кто-то другой мог бы и не догадаться, что она человеческая.

– Честно говоря, я была не совсем уверена, – ответила Клэр. – Рада, что не вытащила вас сюда из-за какой-нибудь коровьей кости.

– Кость определенно не коровья.

– Мы нашли кое-что еще! – крикнул один из стоявших в речке археологов.

Люси вошла по колено в воду и осветила изрытый берег фонариком.

– Вот, – указал археолог, пронзая землю совком. – Похоже, еще один череп.

Люси надела резиновые перчатки.

– Ладно, давайте освободим его.

Мужчина вонзил совок еще глубже в землю и осторожно поддел какой-то ком. Объект упал прямо в руки Люси. Она выбралась из воды на берег. Опустившись на колени, доктор принялась рассматривать драгоценную находку над брезентом.

Это действительно был еще один череп. Аккуратно перевернув его, Люси осмотрела зубы под лучом прожектора.

– Еще один ребенок. Отсутствуют зубы мудрости, – за-

метила Люси. – Вижу разрушенные коренные зубы здесь и здесь, но пломбы отсутствуют.

– Значит, стоматолог к ним не прикасался, – заключила Клэр.

– Да, кости старые. Тебе везет, Линкольн. Иначе пришлось бы заняться делом об убийстве.

– Почему ты так думаешь?

Она перевернула череп, и свет упал на макушку, откуда лучами расходились трещины; так бывает с вареным яйцом, если по его скорлупе стукнуть ложкой.

– Думаю, сомнений быть не может, – сказала она. – Ребенок умер насильственной смертью.

И тут тишину прорезала трель пейджера – все вздрогнули от неожиданности. В лесной глуши этот электронный звук казался до странности чужим. Сбивающим с толку. Клэр и Линкольн машинально потянулись к своим пейджерам.

– Это мой, – сообщил Линкольн, взглянув на дисплей.

Не сказав больше ни слова, он направился через лес в сторону патрульной машины. Вскоре Клэр увидела за деревьями проблесковые маячки его отъезжающего автомобиля.

– Похоже, что-то случилось, – заметила Люси.

Офицер Пит Спаркс уже был на месте и пытался уговорить старика Верна Фуллера убрать дробовик. Наступила ночь, и первое, что увидел Линкольн, были два отчаянно жестикулирующих силуэта, периодически выхватываемые из темноты светом проблескового маячка патрульного автомо-

бия Пита. Линкольн остановился на подъезде к дому Верна и осторожно вышел из машины. До него донеслись бляенье овец и неугомонное кудахтанье кур. Звуки действующей фермы.

– Дробовик вам ни к чему, – урезонивал Пит. – Идите в дом, Верн, мы сами во всем разберемся.

– Будто бы вы в прошлый раз разбирались!

– В прошлый раз я ничего не обнаружил.

– Да потому что вы сто лет сюда ехали!

– В чем дело? – поинтересовался Линкольн.

Верн повернулся к нему.

– Это вы, шеф? Тогда скажите этому... этому мальчишке, что я не собираюсь отдавать ему свое единственное средство защиты.

– Я и не прошу сдавать оружие, – устало возразил Пит. – Я просто хочу, чтобы вы перестали им размахивать. Идите в дом и уберите ружье, чтобы никому не навредить.

– Думаю, это разумное предложение, – подтвердил Линкольн. – Мы не знаем, с чем имеем дело, поэтому будет лучше, если вы зайдете в дом и запретесь, Верн. Не уходите далеко от телефона на случай, если придется вызывать подкрепление.

– Подкрепление? – хмыкнул Верн. – Ладно, я так и сделаю.

Полицейские подождали, пока старик, громко топая, зашел в дом и закрыл за собой дверь. После этого Пит сказал:

– Да он слепой как крот. Хорошо бы забрать у него ружье от греха подальше. Каждый раз, приезжая сюда, я так и жду, что он мне башку снесет.

– Так в чем, собственно, проблема?

– Уф! Он уже в третий раз звонит по девять-один-один. Я и по другим вызовам ношусь как сумасшедший, а приходится еще и сюда по полдня таскаться. Он все жалуется, что какой-то зверь охотится на его овец. А я так думаю, он просто видит собственную тень.

– А почему вызывает нас?

– Потому что Департаменту охоты и рыболовства ехать еще дальше. Я здесь уже второй раз за неделю, но никого не обнаружил. Даже следов койота не нашлось. Сегодня я впервые видел Верна в таком состоянии. Поэтому решил позвать тебя – на всякий случай, а то вдруг решит подстрелить меня вместо хищника.

Линкольн бросил взгляд на дом и увидел в окне силуэт старика.

– Он за нами наблюдает. Может, прочешем территорию, чтобы его не расстраивать?

– Он говорит, что видел зверя у хлева.

Пит зажег свой фонарик, и они двинулись по двору в ту сторону, откуда доносилось бляенье овец. Линкольн чувствовал на себе взгляд Верна, который контролировал каждый их шаг. Ладно уж, уважим старика, подумал он. Пусть даже это обернется бесполезной тратой времени.

Вдруг Пит остановился, а луч его фонарика замер на двери хлева. Она была распахнута настежь.

Что-то здесь не так. С наступлением темноты скотные дворы обычно запирали, чтобы уберечь животных.

Линкольн тоже зажег свой фонарик. Теперь они двигались медленнее, освещая путь дрожащими лучами фонарей. У входа в хлев они остановились. Даже в зловонии скотного двора они смогли различить его – запах крови.

Они вошли внутрь. Овцы тотчас заблеяли еще громче – эти звуки тревожили не меньше, чем крики испуганных детей. Пит описал лучом фонаря полукруг, и он выхватил вилы, суетливых кур и овец, трусливо сбившихся в небольшом загоне.

На устланном соломой полу лежал источник дурного запаха.

Пит первым, пошатываясь, вышел из хлева и бросился в кусты – его рвало.

– Господи. Господи, – бормотал он, держась рукой за стенку хлева.

– Это просто мертвая овца, – удивился Линкольн.

– Никогда не видел, чтобы койот делал такое. Все внутренности наружу...

Линкольн посветил фонариком на землю, изучая следы вокруг двери. Но увидел только отпечатки подошв – свои, Пита и Верна Фуллера. Никаких следов. Возможно ли такое, чтобы зверь не наследил?

У него за спиной хрустнула ветка, и он быстро развернулся, обнаружив прямо перед собой Верна с неизменным дробовиком в руках.

– Это медведь, – заявил старик. – Именно его, медведя, я и видел.

– Медведь бы не сделал такого.

– Я же сам видел. Почему вы мне не верите?

«Потому что все знают, что ты ни черта не видишь».

– Он ушел туда, в лес, – сообщил Верн, указывая в ту сторону, где к его участку вплотную подступал лес. – Я шел за ним, пока было светло. Потом потерял его.

Линкольн увидел, что следы его ботинок действительно тянутся к лесу, но Верн несколько раз возвращался и основательно затоптал отпечатки лап зверя.

Он пошел по следам Верна к лесу. У опушки остановился, вглядываясь в темноту. Сплошная стена деревьев казалась непроходимой, и даже луч фонарика не пробивал ее.

Пит уже очухался и теперь стоял рядом.

– Лучше бы подождать до утра, – прошептал он. – Мы ведь не знаем, с кем имеем дело.

– Я уверен, что это не медведь.

– Ну, в общем-то, я не боюсь медведей. Но если это что-то другое... – Пит достал оружие. – Ходят слухи, что на прошлой неделе у водопада Джордан видели пуму.

Линкольн тоже вооружился и медленно двинулся в лес. Он сделал всего несколько шагов, и под его ботинками, слов-

но ружейные выстрелы, затрещали ветки. Внезапно он застыл на месте, вглядываясь в стену деревьев. Казалось, лес сомкнулся вокруг него. Волоски на его загривке встали дыбом.

«Там кто-то есть. Он наблюдает за нами».

Инстинкт самосохранения призывал отступить. Он попытался, сердце его бешено застучало, а ветки ломались под ногами с таким звуком, словно что-то взрывалось. Только когда Линкольн и Пит выбрались из леса, странное ощущение неминуемой опасности рассеялось.

Они снова подошли к хлеву, где по-прежнему блеяли овцы. Келли еще раз осмотрел следы на земле. И вдруг напрягся, вскинул голову.

– А что находится за этим лесом? – спросил он.

– О, он огромный, – сказал Верн. – За ним шоссе Барнстаун. Несколько домиков.

«Домики, – подумал Линкольн. – Семьи».

Когда Клэр вернулась домой, Ной смотрел телевизор. Раздеваясь в прихожей, она узнала музыкальную заставку из мультика «Симпсоны», звучавшую из соседней комнаты, до нее донеслись громкая отрывка Гомера Симпсона и раздраженное ворчание Лизы Симпсон. Потом она услышала смех Ноя и подумала: «Как хорошо, что мой сын до сих пор смеется над мультиками».

Зайдя в гостиную, Клэр увидела Ноя, развалившегося на диванных подушках, лицо его по-прежнему озаряла улыбка.

Он посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Клэр села рядом с ним, положив ноги на журнальный столик, так же как он. «Большие ноги и маленькие ножки», – с умилением подумала она. У Ноя так вымахала ступня, что по сравнению с ее ножкой казалась просто комичной.

На телеэкране невообразимо толстый Гомер носился туда-сюда в цветастом гавайском платье и набивал рот едой.

Ной снова рассмеялся, Клэр тоже. Именно так ей и хотелось провести остаток вечера. Они будут вместе смотреть телевизор, жевать попкорн вместо ужина. Она склонилась к сыну, и они нежно соприкоснулись головами.

– Прости, мам, – извинился он.

– Ничего страшного, милый. Извини, что не смогла приехать за тобой вовремя.

– Звонила бабушка Эллиот. Совсем недавно.

– Да? Она хотела, чтобы я перезвонила?

– Думаю, да. – Некоторое время он молча смотрел на экран, хотя уже пустили рекламу. Потом сказал: – Бабушка хотела узнать, как мы сегодня.

Клэр озадаченно взглянула на сына:

– А что такое?

– Сегодня день рождения папы.

На экране Гомер Симпсон, все в том же цветастом гавайском платье, угнал фургон с мороженым и несся на нем с бешеной скоростью, всю дорогу жадно уписывая сладкую добычу. Клэр рассеянно смотрела мультик, думая о своем.

«Сегодня твой день рождения. Прошло всего два года после твоей смерти, а мы уже начинаем по кусочкам, по крохам терять память о тебе».

– О боже, Ной, – прошептала она. – Даже не верится. Я совсем забыла.

Она почувствовала, как его голова тяжело опустилась ей на плечо. И он произнес тихо и пристыженно:

– Я тоже.

Из своей спальни Клэр перезвонила Маргарет Эллиот. Она всегда любила свекровь, и с годами нежность к ней возросла настолько, что Маргарет стала для нее гораздо ближе, чем ее собственные, холодновато-надменные родители. Иногда Клэр казалось, что любви и страсти ее научила именно семья Эллиот.

– Здравствуй, мама. Это я, – приветствовала ее Клэр.

– В Балтиморе сегодня семнадцать градусов и солнечно, – отозвалась Маргарет, и Клэр невольно рассмеялась.

С тех пор как она переехала в Транквиль, сравнение погодных условий стало для них дежурной шуткой. Маргарет очень не хотела, чтобы они покидали Балтимор. «Ты даже не представляешь, что такое настоящий холод, – говаривала Маргарет, – и я буду постоянно напоминать тебе о том, что ты покинула».

– А здесь два градуса, – послушно отрапортовала Клэр. Она выглянула в окно. – Будет еще холоднее. И темнее.

– Ной передал тебе, что я звонила?

– Да. И у нас все в порядке. Правда.

– Точно?

Клэр промолчала. У Маргарет был особый талант угадывать настроение собеседника по одной лишь интонации, и сейчас она уловила некоторую фальшь в голосе невестки.

– Ной сказал, что хочет вернуться, – продолжила Маргарет.

– Но мы только что переехали.

– Ты в любой момент можешь передумать.

– Не сейчас. Я здесь слишком во многое вложилась. В новую практику, в дом.

– Это ведь только материальное, Клэр.

– Нет, все это я делала для Ноя. Я должна остаться здесь ради него. – Клэр немного помолчала, вдруг осознав, что при всей своей любви к Маргарет испытывает некоторое раздражение. Она уже устала от мягких, но настойчивых намеков на то, что ей следует вернуться в Балтимор. – Ребенку всегда нелегко начинать с нуля, но он приспособится. Он еще слишком мал и сам не знает, чего хочет.

– Что ж, думаю, ты права. Ну а как ты? Тебе самой все еще хочется там жить?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что знаю, как нелегко пришлось бы мне самой на новом месте. Без друзей, без родных.

Клэр посмотрела на себя в зеркало. Ее усталое лицо. Отражение ее спальни, на стенах которой по-прежнему висят

картины. Это всего лишь скопище мебели, место для сна, а не уголок родного дома.

– Вдове нельзя без друзей, Клэр, – заметила Маргарет.

– Может быть, отчасти потому я и уехала.

– Что ты имеешь в виду?

– Там я для всех была только вдовой. Я приходила в свою клинику, и меня встречали грустные сочувствующие взгляды. При мне коллеги боялись смеяться или травить анекдоты. И никто, никто и никогда не осмеливался заговорить о Питере. Все как будто решили, что при одном только упоминании его имени я разрыдаюсь.

В трубке воцарилось молчание, и Клэр вдруг пожалела о том, что разоткровенничалась.

– Это не значит, что я перестала скучать по нему, мама, – тихо произнесла она. – Я вижу его всякий раз, когда смотрю на Ноя. Сходство между ними просто поразительное. Я как будто наблюдаю, как взрослеет Питер.

– Да, насчет сходства ты права, – согласилась Маргарет, и Клэр испытала облегчение, что в речи свекрови сохранились теплые нотки. – Питер был довольно трудным ребенком. Кажется, я тебе никогда не рассказывала, что он вытворял в возрасте Ноя. Озорство передалось Нюю именно от него, Питера.

Клэр расхохоталась. «Да уж, точно не от меня, занудно-добропорядочной матери, самым серьезным преступлением которой была просрочка техосмотра».

– У Ноя доброе сердце, но ему ведь только четырнадцать, – по-дружески предупредила Маргарет. – Не воспринимай его проделки как катастрофу.

Позже, когда Клэр спускалась вниз, она уловила запах горелых спичек и подумала: «Ну вот. Прodelки не заставили себя ждать. Он опять накурился тайком». Она пошла на запах, к кухне, и застыла в дверях.

Ной держал в руке зажженную спичку. Увидев мать, он тут же погасил огонь.

– Я больше не нашел свечей, – сообщил он.

Она молча подошла к столу. Ее глаза наполнились слезами, когда она увидела замороженный торт, который сын достал из холодильника. На одиннадцати свечах танцевали язычки пламени.

Ной чиркнул новой спичкой и зажег двенадцатую свечу на торте.

– С днем рождения, папа, – тихо произнес он.

«С днем рождения, Питер», – подумала она и смахнула слезы. Вместе с сыном они задули свечи.

4

Госпожа Горацио собиралась проткнуть лягушке спинной мозг.

– Им совсем не больно, если сразу проникнуть в стволовую часть мозга, – объясняла она. – После того как вы введете иглу в основание черепа, слегка пошевелите ею, чтобы разрушить все нервные пути, ведущие к мозгу. Это парализует животное, прекращает сознательную жизнедеятельность, но спинномозговые рефлексy сохраняются, и их можно изучать. – Учительница опустила руку в банку и достала оттуда извивающуюся лягушку. Другой рукой взяла препаратную иглу. Огромную.

Сдерживая приступ тошноты, Ной сидел не шелохнувшись за своей партой в третьем ряду. Он старался держать ноги непринужденно вытянутыми, на его лице застыло скупающее выражение.

Он слышал, как заерзали на стульях одноклассники, прежде всего девчонки. Сидевшая справа от него Амелия Рейд в ужасе прикрыла рот рукой.

Он медленно обвел взглядом класс, при этом мысленно давая каждому ученику прозвище. Ботан. Врун. Жополиз. За исключением Амелии Рейд, ни один из них не вызывал в нем симпатии, ни с кем ему не хотелось завязать дружбу. Впрочем, и с ним никто не хотел дружить, но это его мало

волновало. Может, маме и нравится этот городишко, но он не собирается задерживаться здесь надолго.

«Вот только школу закончу – и валить отсюда, валить куда подальше».

– Тейлор, хватит ерзать, сосредоточься, – велела госпожа Горацио.

Ной покосился в сторону и увидел, что Тейлор Дарнелл вцепился в парту обеими руками, уставившись в свой листок с контрольной работой, которую раздали после проверки сегодня утром. Госпожа Горацио вывела на ней красным маркером жирную двойку с плюсом. Листок был изрисован злобными каракулями Тейлора. Рядом с унижительной отметкой он написал черными чернилами: «Чтоб ты сдохла, госпожа Говняцио!»

– Ной, ты внимательно смотришь?

Ной покраснел и перевел взгляд на учительницу. Госпожа Горацио подняла лягушку и держала ее в руке, чтобы всем было видно. Казалось, подносить иглу к голове лягушки для нее сушая радость. С сияющими глазами и приоткрытым от удовольствия ртом она вводила иглу в ствол мозга. Задние ножки лягушки заметались, перепончатые лапки задергались от боли.

Амелия вскрикнула и опустила голову, ее светлые волосы рассыпались по парте. По всему классу заскрипели стулья. Кто-то воскликнул в отчаянии:

– Госпожа Горацио, можно выйти?

– ...И подвигать иглой взад-вперед, прикладывая некоторое усилие. Не обращайте внимания на дрыгающиеся лапки. Это всего лишь рефлекс. Просто позвоночник посылает импульсы.

– Госпожа Горацио, мне нужно в туалет...

– Потерпи минутку. Вы должны увидеть, как я это делаю. – Она прокрутила иголку, и послышался тихий хруст.

Ною показалось, что его вот-вот стошнит. С трудом сохраняя невозмутимый вид, он отвернулся и сцепил руки под партой. «Только без рвоты, только без рвоты, только без рвоты». Он сконцентрировал внимание на светлых волосах Амелии, которыми всегда восхищался. Волосы Рапунцель. Он смотрел на них, думая о том, как бы ему хотелось их погладить. Он никогда не осмеливался заговорить с Амелией. Она казалась ему сказочной принцессой, недоступной для простого смертного.

– Ну вот и все, – сообщила госпожа Горацио. – Больше ничего делать не нужно. Я обращаюсь к классу: все видели? Полный паралич.

Ной заставил себя перевести взгляд на лягушку. Она лежала на учительском столе – безвольная, плоская тушка. Все еще живая, если верить старухе Горацио, но не подающая признаков жизни. Он вдруг испытал искреннюю жалость к этой лягушке, представил себя, распластанного на учительском столе, с открытыми глазами и в полном сознании, но совершенно неподвижного. Волны паники ни к чему не при-

водят, просто фейерверками взрываются в мозгу. Он сам почувствовал себя парализованным, оцепенелым.

– Теперь вам нужно сесть парами, – приказала госпожа Горацио. – Сдвиньте свои парты.

Ной сглотнул и покосился на Амелию. Она беспомощно кивнула.

Он сдвинул их парты. Они не разговаривали; их партнерство было обусловлено лишь близостью парт, но, черт возьми, какое это имело значение, главное – оказаться ближе к ней. У Амелии дрожали губы. Ему очень хотелось утешить ее, но он не знал, как это сделать, поэтому просто сидел молча, все с тем же выражением безразличия на лице. «Скажи ей что-нибудь хорошее, придурок. Порази ее чем-нибудь. У тебя, может, не будет другого шанса!»

– Лягушка действительно выглядит как мертвая, – заметил он.

Амелия содрогнулась.

Госпожа Горацио уже двигалась по рядам с банкой, в которой барахтались лягушки. Она остановилась возле Ноя и Амелии.

– Берите. Каждая пара работает с одной лягушкой.

Кровь отлила от лица Амелии. Теперь все зависело от Ноя.

Он сунул руку в банку и вынул скользкую лягушку. Госпожа Горацио положила на их парту препаровальную иглу.

– А теперь начинайте, – велела она и двинулась к следу-

ющей паре.

Ной посмотрел на лягушку, которую держал в руке. Она тоже уставилась на него, выпучив глаза. Он взял иглу, потом снова посмотрел на лягушку. Эти глаза как будто умоляли его: «Не убивай меня! Не убивай меня!» Он отложил иглу, чувствуя, что тошнота подступает с новой силой, потом с надеждой посмотрел на Амелию.

– Хочешь отличиться?

– Я не могу, – прошептала она. – Не заставляй меня, пожалуйста.

Кто-то из девочек вскрикнул. Ной обернулся и увидел, как Лидия Липман вскочила со стула и шархнулась от своего напарника Тейлора Дарнелла. Послышались глухие удары о дерево – бум, бум, бум, – это Тейлор вонзал иглу в тушку лягушки. Кровь брызнула на парту.

– Тейлор! Тейлор, прекрати сейчас же! – воскликнула госпожа Горацио.

Но он продолжал тыкать иглой. Бум, бум! Лягушка стала похожа на зеленый фарш.

– Два с плюсом, – бормотал он. – Я всю неделю готовился к этой контрольной. Вы не можете ставить мне два с плюсом!

– Тейлор, иди к директору!

Он воткнул иглу еще сильнее.

– Вы не можете ставить мне мерзкую двойку с плюсом!

Учительница схватила его за запястье и попыталась отобрать иглу.

– Сейчас же отправляйся к мисс Корнуоллис!

Тейлор отдернул руку и спихнул дохлую лягушку на пол. Она отлетела прямо на колени к Амелии. Та с диким визгом вскочила со стула, и маленький трупик плюхнулся на пол.

– Тейлор! – взревела госпожа Горацио. Она снова схватила мальчика за запястье, на этот раз вынуждая его выпустить из руки иглу. – Немедленно выйди из класса!

– Пошла ты на хер!

– Что ты сказал?

Он встал из-за парты и ударом ноги свалил на пол стул.

– Пошла ты на хер!

– С этой минуты ты исключен! Всю неделю ты грубил и вел себя вызывающе. Доигрался, дружок. Больше ты здесь не нужен!

Он пихнул стул ногой. Тот полетел по проходу и врезался в парту. Схватив Тейлора за рубашку, учительница попыталась вывести его за дверь, но он ловко вывернулся и ударил ее по спине. Она завалилась на парту, опрокинув банку с лягушками. Банка разбилась, лягушки выпрыгнули на волю и помчались по полу колышущимся зеленым ковром.

Госпожа Горацио медленно поднялась на ноги, ее глаза полыхали яростью.

– Я добьюсь, чтобы тебя исключили!

Тейлор полез в свой рюкзак.

Госпожа Горацио оцепенела, увидев в его руке пистолет.

– Опусти его, – велела она. – Тейлор, опусти пистолет!

Казалось, вспышка ударила ей в живот. Учительница пошатнулась, обхватила руками живот и рухнула на пол. В ее глазах застыло изумление. Время будто остановилось, замерло на это нескончаемое мгновение, пока Ной в ужасе смотрел, как к его кроссовкам бежит ручеек яркой крови. И тут тишину взорвал испуганный девичий крик. В следующий момент вокруг него царил хаос. Ной слышал, как загрохотали падающие стулья, видел, как бегущая девочка оступилась и упала коленями на битое стекло. Казалось, воздух пропитался кровью и паникой.

Прогремел следующий выстрел.

Взгляд Ноя, словно камера в замедленном режиме, скользил по убегаящим фигурам; он увидел, как Вернон Хоббс неуклюже шагнул вперед и с треском врезался в парту. Классная комната превратилась в расплывшееся пятно, в котором мелькали развевающиеся волосы и бегущие ноги. Но сам Ной не мог двинуться с места. Он словно увяз в этом кошмаре, тело отказывалось выполнять команду мозга: «Беги! Беги!»

Его взгляд выхватил из хаоса Тейлора Дарнелла, и, к своему ужасу, Ной заметил, что дуло пистолета было нацелено в голову Амелии.

«Нет, – подумал он. – Нет!»

Тейлор выстрелил.

Вдруг, откуда ни возьмись, по виску Амелии потекла струйка крови, потом ручеек оказался на щеке, но девочка не

упала – широко раскрыв глаза, словно затравленный зверь, она смотрела на дуло пистолета.

– Пожалуйста, Тейлор, – шептала она. – Пожалуйста, не надо...

Тейлор снова поднял пистолет.

В это мгновение Ной избавился от парализующего кошмара, ноги снова задвигались, а тело стало слушаться. Мозг тут же отметил множество деталей. Ной видел, как Тейлор вскинул голову и повернулся к нему. Пистолет, описав дугу, тоже оказался направленным на него. Ринувшись на Тейлора, Ной заметил в его глазах удивление.

Из дула вылетела еще одна пуля.

– Я только что узнала, что сюда положили мою пациентку. Почему никто не позвонил мне?

Дежурная медсестра подняла глаза от стола и как будто съежилась, увидев, что вопрос исходит от Клэр.

– Мм... какая пациентка, доктор Эллиот?

– Кейти Юманс. Я видела ее имя на двери одной из палат, но в палате ее нет. Ее карты я тоже не нашла.

– Ее привезли всего несколько часов назад на «скорой». Она сейчас в рентген-кабинете.

– Но меня почему-то никто не известил.

Медсестра опустила взгляд:

– Ее лечащим врачом стал доктор Делрей.

Клэр молча восприняла эту неприятную новость. В общем-то, нет ничего необычного в том, что пациенты меняют

врачей, иногда в силу самых банальных причин. Два пациента перешли от Адама Делрея к Клэр. Но то, что именно эта пациентка предпочла другого врача, удивило Клэр.

Когда она впервые оказалась на приеме у Клэр с воспалением мочевого пузыря, шестнадцатилетняя Кейти Юманс, немного отстающая в развитии, проживала со своим отцом. Клэр сразу же обратила внимание на синяки по окружности запястий девушки. Сорок пять минут деликатных расспросов и осмотр малого таза подтвердили подозрения Клэр. Кейти забрали из-под опеки отца-насильника и поместили в приют.

С тех пор девушка расцвела. Ее травмы – как физические, так и душевные – исчезли. Клэр считала Кейти своей победой. С чего бы вдруг девушке менять врача?

Она нашла Кейти в рентген-кабинете. Через смотровое окошко Клэр увидела, что девушка лежит на столе, а над ее ступней висит рентгеновская трубка.

– Могу я спросить, с каким диагнозом ее госпитализировали? – спросила Клэр у технолога-рентгенолога.

– Мне сказали, панникулит правой стопы. Вон ее карта; если хотите, можете взглянуть.

Клэр взяла со стола карту и прочитала запись, сделанную в приемном отделении. Она была продиктована доктором Адамом Делреем в семь часов утра.

«Белая женщина, шестнадцати лет, наступила на гвоздь два дня назад. Сегодня утром проснулась с высокой темпе-

ратурой, ознобом, распухшей ступней...»

Клэр бегло просмотрела описание физического состояния пациентки, перевернула страницу и прочитала назначенное лечение.

После этого тут же схватила трубку телефона, чтобы передать сообщение на пейджер Адама Делрея.

Уже через мгновение он вошел в рентген-кабинет, как всегда, в своем белом длинном халате, отутюженном и накрахмаленном. Несмотря на неизменную приветливость Делрея, искренней теплоты в их отношениях не было, и Клэр подозревала, что за внешней сдержанностью северянина скрывается типично мужской дух соперничества, возможно, даже чувство обиды за то, что она увела у него двух пациентов.

И вот теперь, когда он отобрал ее пациентку, Клэр пришлось подавить в себе соревновательный дух. Сейчас ее единственной заботой было благополучие Кейти Юманс.

– Я наблюдала Кейти амбулаторно, – пояснила она. – Я достаточно хорошо знаю ее, и...

– Клэр, это обычная история. – Адам положил ей руку на плечо, словно утешая. – Надеюсь, вы не принимаете это близко к сердцу.

– Я не по этому поводу звонила вам на пейджер.

– Просто мне было проще принять ее. Я дежурил в службе экстренной помощи, когда ее привезли. А ее опекунша сказала, что Кейти нужен терапевт.

– Я вполне способна вылечить панникулит, Адам.

– А что, если это перерастет в остеомиелит? Это гораздо сложнее.

– Вы хотите сказать, что семейный доктор недостаточно квалифицирован, чтобы помочь своему пациенту?

– Решение принимала опекунша девушки. Так получилось, что я оказался дежурным врачом.

Клэр уже настолько обозлилась, что предпочла не отвечать. Отвернувшись от доктора Делрея, она посмотрела в окно на свою пациентку. Бывшую пациентку. Ее внимание вдруг привлекла капельница, к которой была подключена девушка, и написанная от руки табличка, прикрепленная к мешочку с декстрозой и водой.

– Ей что, уже вводят антибиотики?

– Только что подвесили, – ответила технолог-рентгенолог.

– Но у нее аллергия на пенициллин! Поэтому я и позволила вам на пейджер, Адам!

– Девушка ничего не сказала про аллергию.

Клэр бросилась в соседнюю комнату, отсоединила капельницу и перекрыла подачу раствора. Взглянув на Кейти, она с тревогой заметила, что лицо девушки пылает.

– Эпинефрин, срочно! – крикнула Клэр технологу-рентгенологу. – И бенадрил внутривенно!

Кейти беспокойно ерзала на столе.

– Я как-то странно себя чувствую, доктор Эллиот, – проворкотала она. – Мне так жарко. – На ее шее, покрытой яр-

ко-красными пятнами, вздулись волдыри.

Рентгенолог взглянула на девушку, пробормотала: «О черт!» – и бросилась к шкафчику за набором от анафилактического шока.

– Она мне не сказала, что у нее аллергия, – начал оправдываться доктор Делрей.

– Вот эпинефрин, – сообщила рентгенолог, передавая Клэр шприц.

– Я не могу дышать!

– Все хорошо, Кейти, – успокаивала ее Клэр, вскрывая иголку. – Сейчас тебе станет лучше... – Она проколола кожу девушки и ввела ей дозу эпинефрина.

– Я... не могу... дышать!

– Бенадрил, двадцать пять миллиграммов внутривенно! – крикнула Клэр. – Адам, вколите ей бенадрил!

Делрей недоуменно уставился на шприц, который рентгенолог только что сунула ему в руку. Он в изумлении ввел лекарство в капельницу.

Клэр вооружилась стетоскопом. Прослушивая легкие девушки, она уловила сильные хрипы с обеих сторон.

– Что с давлением? – спросила она рентгенолога.

– Восемьдесят на пятьдесят. Пульс сто сорок.

– Давайте-ка ее в реанимацию.

Три пары рук подхватили девушку и переложили ее на каталку.

– Не могу дышать... не могу дышать...

– Господи, да она и вправду опускает!

– Не останавливаемся! – скомандовала Клэр.

Втроем они выкатили пациентку из рентген-кабинета и помчались по коридору. Свернув за угол, они вкатили ее в распашные двери реанимации. Доктор Макнелли и две медсестры удивленно подняли головы, когда Клэр объявила:

– У нее наступает анафилактический шок!

Реакция последовала немедленно. Персонал реанимации мгновенно доставил каталку в процедурную. Тут же прижали кислородную маску к лицу девушки, а датчики ЭКГ подсоединили к грудной клетке. Через несколько минут в ее вены начала по каплям поступать щедрая доза кортизона.

Когда Клэр наконец вышла из реанимации, оставив пациентку в надежных руках Макнелли и его персонала, сердце у нее по-прежнему колотилось. Она увидела Адама Делрея, который стоял у столика медсестры и что-то яростно черкал в карте Кейти. Когда она подошла, он быстро закрыл карту.

– Она мне ничего не сказала про аллергию, – повторил он.

– У девушки замедленное развитие.

– В таком случае ей следует носить медицинский браслет.

Почему его нет?

– Она не хочет его носить.

– О таких вещах невозможно догадаться!

– Адам, вы просто должны были позвонить мне, когда ее доставили в клинику. Вы знали, что она моя пациентка и я знакома с историей ее болезни. Нужно было просто спро-

силь.

– Опекунша должна была предупредить меня. Неужели ей никогда не приходило в голову, что...

Его прервал громкий визг радио, донесшийся из отделения неотложной помощи. Они оба подняли глаза, когда сквозь треск раздалось сообщение:

– Больница Нокс, это бригада семнадцать, бригада семнадцать. У нас жертва с огнестрелом, будем через пять минут. Как поняли?

Одна из медсестер выскочила из дверей процедурной и схватила микрофон.

– Реанимация Нокс. Характер ранения?

– Несколько пострадавших в пути. Эта в критическом состоянии, остальных скоро привезут.

– Сколько всего? Повторяю: сколько?

– Точно не знаем. Как минимум трое...

Другой голос вклинился в эфир.

– Больница Нокс, это бригада девять. Мы в пути, огнестрельное ранение в плечо. Как поняли?

Медсестра в панике схватила трубку телефона и нажала кнопку «0»:

– Код бедствия! Передайте код бедствия! Это не учение!

Пятеро врачей. Это все, кого смогли собрать по всей больнице в сумасшедшие минуты перед прибытием первой «скорой»: Клэр, Делрей, реаниматолог Макнелли, главный хирург и один перепуганный педиатр. Никто еще не знал ни

подробностей происшествия, ни места, ни количества жертв. Знали только, что случилась страшная беда и что скромная провинциальная больница не готова справиться с ее последствиями. Реанимация походила на пчелиный улей: все галдели, суетились, готовились к приему раненых. Кейти, состояние которой стабилизировалось, срочно вывезли в коридор, чтобы освободить место в процедурной. Хлопали дверцы шкафов с медикаментами, пылали яркие лампы. Клэр подвешивала к капельницам мешочки с растворами, раскладывала инструменты, вскрывала упаковки с бинтами и тампонами.

Приближающийся вой первой «скорой» заставил всех притихнуть на долю секунды. Потом все бросились к дверям принимать первую пострадавшую. Никто не разговаривал; все напряженно вслушивались в надрывный вой.

Сирена резко смолкла, и в поле зрения показались мигающие красные огни.

Когда машина «скорой помощи» припарковалась у приемного покоя, Клэр рванула вперед. Задние двери машины распахнулись, и санитары выкатили носилки с первой пострадавшей. Ею оказалась женщина, уже интубированная. Хирургический пластырь, которым обычно закрепляют трубку, скрывал нижнюю половину ее лица. Повязка на животе была насквозь пропитана кровью.

Ее спешно доставили в травмпункт и положили на операционный стол. Сразу стало шумно, медперсонал дружно

принялся за работу – они разрезали одежду пострадавшей, подсоединяли ЭКГ, кислородную маску, надевали манжету для измерения кровяного давления. На кардиомониторе высветился учащенный синусовый ритм.

– Систолическое – семьдесят! – крикнула медсестра.

– Уточняю группу и резус-фактор! – объявила Клэр.

Она схватила с лотка венозный катетер 16 и ловко затянула жгут на руке пациентки. Вены едва просматривались, у жертвы был болевой шок. Она проткнула вену иглой и установила пластиковый катетер. Шприцем вытянула несколько пробирок крови, после чего подсоединила к катетеру трубку капельницы.

– Еще один раствор Рингера! – крикнула она.

– Систолическое – шестьдесят, пульс едва прощупывается!

– Вздутие брюшной полости, – констатировал хирург. – Думаю, там полно крови. Распакуйте хирургический поднос и подготовьте отсос! – Он бросил взгляд на Макнелли. – Вы первый ассистент.

– Но ее нужно поместить в операционную...

– Некогда. Мы должны обнаружить источник кровотечения.

– Давление пропало! – закричала медсестра.

Первый надрез был быстрым и жестоким – скальпель прошел вдоль брюшной полости, разделив кожу. Сделав более глубокий надрез, хирург добрался до желтого слоя подкож-

ного жира, а потом попал в брюшину.

Кровь, брызнув, хлынула на пол.

– Я не вижу, откуда она идет!

Отсос не успевал откачивать кровь. Макнелли в отчаянии заткнул в брюшную полость два стерильных полотенца и снова извлек их – ткань насквозь пропиталась кровью.

– Вот, кажется, вижу. Пуля задела аорту...

– Господи, как хлещет!

Дежурная сестра, заглянув в дверь, крикнула:

– Еще двоих привезли! Сейчас будут здесь!

Макнелли через стол взглянул на Клэр, и она заметила панику в его глазах.

– Это ваши! – рявкнул он. – Вперед, Клэр.

Сердце билось уже где-то в горле. Доктор Эллиот выбежала из травмпункта и увидела первую каталку, которую уже завозили в один из процедурных кабинетов. Пациентом был хныкающий рыжеволосый мальчик, рубашка на нем была разрезана, а на плече краснела набухшая от крови повязка. Вот и вторая каталка показалась в дверях – на ней лежала светловолосая девочка-подросток с залитым кровью лицом.

«Дети, – подумала Клэр. – Они ведь совсем дети. Бог мой, что же случилось?»

Она сначала подошла к девочке – та плакала, но все-таки могла шевелить конечностями. Взглянув на окровавленное личико, Клэр ощутила панику: у жертвы было огнестрельное ранение в голову. Она все-таки нашла в себе силы взять де-

вочку за руку, спокойно спросить ее имя, даже несмотря на то, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. Хватило нескольких вопросов, чтобы убедиться: Амелия Рейд находится в полном сознании и трезвой памяти. Височная рана оказалась поверхностной, и Клэр быстро обработала ее и наложила повязку.

Бросившись к рыжему мальчугану, она заметила, что его уже осматривает педиатр.

– Кого-то еще везут? – спросила она у дежурной сестры.

– Вроде никого. Может, некоторые остались на месте происшествия...

Прибыл второй хирург. Ворвавшись в отделение неотложной помощи, он объявил:

– Я здесь! Кому я понадобился?

– Травмпункту! – отозвалась Клэр. – Нужно отпустить доктора Макнелли.

Он уже подошел к двери травмпункта, когда оттуда, едва не сбив его с ног, выскочила медсестра.

– Есть кровь для Горацио? Группа первая, резус отрицательный! – прокричала она дежурной медсестре.

Горацио? Клэр не узнала пациентку из-за пластыря на лице, но имя было знакомым. Дороти Горацио.

«Учительница биологии у моего сына». Клэр взглянула на часы: половина двенадцатого. Третий урок. У Ноя биология – в кабинете госпожи Горацио.

Приехал еще один доктор, еще одна пара рук – акушер

из Ту-Хиллз. Клэр заглянула в операционную и убедилась в том, что ситуация под контролем.

Сердце охваченной паникой матери подсказало единственно верное решение.

Она бросилась к машине.

Тридцать два километра дороги слились в пятно из осенних полей, поднимающейся дымки тумана и частого кола сосен. Тут и там мелькали фермерские домики с покосившимися крыльечками. Вот уже восемь месяцев она колесила по этой дороге, но еще ни разу не ездил на такой скорости, и никогда еще у нее так не тряслись руки и не сжималось от страха сердце. Она преодолела последний подъем, выжав до упора педаль акселератора, и ее «субару» проскочила мимо знакомого плаката:

**ВЫ ПОКИДАЕТЕ ТУ-ХИЛЛЗ.
ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!**

А чуть дальше, метров через девятьсот, показался следующий указатель поменьше, краска на нем облупилась:

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ТРАНКВИЛЬ! ВЫХОД
К ОЗЕРУ САРАНЧА НАСЕЛЕНИЕ – 910 ЧЕЛОВЕК**

Она свернула на Скул-роуд и увидела мигающие разноцветные огоньки служебных автомобилей. Полицейский патруль припарковался прямо у входа в здание из красного кирпича, рядом стояли две пожарные машины – полный набор спасательной техники для чрезвычайной ситуации.

Клэр выскочила из машины и бросилась к школе, где во

дворе, за лентой оцепления, стояли десятки удивленно-испуганных школьников и учителей. Скользя взглядом по их лицам, она не увидела Ноя.

Полицейский из Ту-Хиллз преградил ей путь к двери.

– Туда нельзя.

– Но я должна пройти!

– Вход только для работников экстренных служб.

Она набрала в грудь воздуха.

– Я доктор Эллиот, – произнесла она спокойным голосом. – Врач из Транквиля.

Полицейский пропустил ее.

Она ворвалась в вестибюль школы. Здание было построено около века назад и уже насквозь пропиталось застоялым запахом подросткового пота и пыли, которую ежедневно вздымают тысячи снующих вверх-вниз ног. Клэр избежала по ступенькам на второй этаж.

Вход в кабинет биологии был крест-накрест перекрыт полицейской лентой. За ней были видны перевернутые стулья, битое стекло, разбросанные по полу бумаги. Среди руин прыгали лягушки.

А еще в классе была кровь – запекшиеся лужицы виднелись тут и там.

– Мам!

Ее сердце подпрыгнуло от этого звука. Она резко обернулась и увидела своего сына в дальнем конце коридора. В тусклом свете он казался пугающе маленьким, а его забрыз-

ганное кровью лицо – бледным и худым.

Клэр бросилась к нему, обхватила руками его неподатливое тело, прижала к себе, насильно заключая в объятия. Она почувствовала, как сначала расслабились его плечи, а потом его лицо уткнулось ей в грудь, и Ной заплакал. Он плакал беззвучно – просто сотрясался от сдерживаемых рыданий, а по щекам катились теплые слезы. Наконец его руки сомкнулись вокруг нее, обняли за талию. Пусть его плечи уже стали широкими, почти мужскими, но сейчас к ней приник ребенок, и в этих слезах выплескивалось детское горе.

– Ты ранен? – спросила она. – Ной, ты весь в крови. Ты ранен?

– Он в порядке, Клэр. Кровь не его. Учительницы.

Она подняла голову и увидела Линкольна Келли. Полицейский стоял в коридоре, и на его мрачном лице отражались недавние трагические события.

– Мы с Ноем только что закончили восстанавливать картину происшествия. Я как раз собирался звонить вам, Клэр.

– Я была в больнице. И узнала, что здесь стреляли.

– Ваш сын выхватил пистолет у того мальчишки, – сообщил Линкольн. – Отчаянный поступок, конечно. Но смелый. Возможно, он спас несколько жизней. – Линкольн перевел взгляд на Ноя и тихо добавил: – Вы можете им гордиться.

– Да не был я смелым, – выпалил Ной. Он отстранился от Клэр, стыдливо утирая слезы. – Я просто испугался. Сам не знаю, почему я это сделал. Я вообще не соображал, что

делаю...

– Но ты это сделал, Ной. – Линкольн положил руку на плечо мальчика. Мужское благословение, сухое и грубоватое. Казалось, Ной воспрянул духом от этого простого жеста.

«Все-таки мать не может воспитать своего сына рыцарем. Это должен сделать мужчина», – подумала Клэр.

Ной медленно выпрямился, наконец взяв себя в руки.

– Как Амелия? – спросил он у матери. – Ее увезли на «скорой».

– С ней все хорошо. Просто царапина на лице. Думаю, и с мальчиком не будет проблем.

– А... госпожа Горацио?

Она покачала головой. И тихо добавила:

– Я не знаю.

Тяжело вздохнув, он провел рукой по глазам.

– Я... мне нужно умыться...

– Иди, – мягко произнес Линкольн. – Не торопись, Ной. Мама тебя подождет.

Клэр смотрела вслед сыну, пока тот шел по коридору. У кабинета биологии он замедлил шаг и, не удержавшись, заглянул в открытую дверь. И замер на несколько секунд, словно загипнотизированный страшным зрелищем. Потом резко развернулся и поспешил в мужской туалет.

– Кто это сделал? – спросила Клэр у Линкольна. – Кто при- тащил в школу оружие?

– Тейлор Дарнелл.

Она пристально взглянула на полицейского:

– О боже! Он же мой пациент.

– То же самое сказал его отец. Пол Дарнелл говорит, что мальчик не может отвечать за свои поступки. У него синдром дефицита внимания, и он не контролирует свои реакции. Это правда?

– Синдром дефицита внимания не провоцирует жестокость. И к тому же у Тейлора его нет. Но я не могу обсуждать этот случай, Линкольн. Не имею права нарушать врачебную тайну.

– Но с этим мальчишкой что-то не так. Если уж вы его врач, может, вам следует взглянуть на него, прежде чем его перевезут в Центр заключения несовершеннолетних правонарушителей.

– А где он сейчас?

– Сидит в кабинете директора. – Линкольн немного помолчал. – Но предупреждаю, Клэр, не подходите слишком близко.

5

Тейлор Дарнелл, прикованный наручниками к стулу, барабанил ногами по столу директора – бам, бам, бам! Он даже не повернул голову, когда Клэр и Линкольн вошли в кабинет, и как будто не заметил их присутствия. В комнате находились еще двое полицейских. Посмотрев на Линкольна, они выразительно покачали головой. Их мысли нетрудно было угадать: «Этот парень точно псих».

– Нам только что позвонили из больницы, – сказал один из них, обращаясь к Линкольну. – Учительница умерла.

Некоторое время в комнате было тихо; Клэр и Линкольн молча переваривали страшное известие. Потом Клэр негромко поинтересовалась:

– А где мать Тейлора?

– Она возвращается из Портленда. Ездила туда по делам.

– А господин Дарнелл?

– Думаю, носится в поисках адвоката. Он им понадобится.

Тейлор не только не прекратил стучать ногой по столу, но даже ускорил темп.

Клэр поставила на стул свой чемоданчик и подошла к мальчику:

– Ты ведь помнишь меня, Тейлор? Я доктор Эллиот.

Он не ответил, продолжая отбивать злобную дробь. Что-то в его поведении насторожило Клэр. Это не просто вспыш-

ка подростковой ярости. Его состояние скорее напоминало наркотический психоз.

Тейлор вдруг поднял голову и уставился на нее немигающим взглядом хищника. Его зрачки расширились, и радужная оболочка потемнела до черноты. Ощерившись и обнажив клыки, он издал гортанный животный звук – то ли рычание, то ли шипение.

Все произошло так быстро, что Клэр не успела среагировать. Мальчик вскочил на ноги и, волоча за собой стул, кинулся на нее.

От мощного удара, усиленного тяжестью его тела, она завалилась на спину. Тейлор впился зубами в ее куртку, разрывая ткань, потроша подкладку. Пух и перья взметнулись белым облаком и осели на пол. Клэр увидела прямо над собой три перекошенных лица – полицейские оттаскивали мальчишку. Наконец им удалось скрутить Тейлора и усадить его на место, хотя тот не оставлял попыток вырваться.

Линкольн схватил ее за руку и помог подняться.

– Клэр... Господи...

– Все в порядке, – заверила она, выплевывая пух. – Нет, правда, все нормально.

– Он укусил меня! – воскликнул один из полицейских. – Смотрите, кровь!

Даже будучи прикованным к стулу, мальчишка отчаянно сопротивлялся, пытался вырваться.

– Пустите меня! – истошно вопил он. – Я убью вас всех,

если вы не отпустите меня!

– Да его, черт возьми, в клетку надо!

– Нет. Нет, здесь что-то серьезное, – проговорила Клэр. – Похоже, у него наркотический психоз. Фенциклидин или амфетамины. – Она повернулась к Линкольну. – Нужно, чтобы мальчика доставили в больницу. Немедленно.

– Пациент слишком активен, – сказал доктор Чапман, рентгенолог. – Боюсь, мы не сможем получить четкую картину.

Клэр подалась вперед, пристально разглядывая на мониторе компьютера первый поперечный срез мозга Тейлора Дарнелла. Каждый снимок – сборище пикселей, сформированное тысячами мелких рентгеновских лучей. Направленные под разными углами на одну и ту же плоскость, лучи распознают жидкость, твердую материю и воздух, которые потом передаются на экране с разной плотностью.

– Видите, как все размыто? – Чапман указал на созданное движением пятно.

– Боюсь, без анестезии мы не сможем его утихомирить.

– Ну, это выход.

Клэр покачала головой:

– У него и так помутнение рассудка. Я не хочу рисковать с анестезией. Мне бы сейчас понять хотя бы общую картину, прежде чем делать поясничную пункцию.

– Вы действительно считаете, что эти симптомы объясняются энцефалитом? – Чапман посмотрел на нее, в его взгляде

де мелькнул скептицизм.

В Балтиморе она была уважаемым семейным врачом. А здесь ей все время приходилось что-то доказывать. Сколько времени должно пройти, прежде чем ее новые коллеги перестанут сомневаться в ее суждениях и начнут ей доверять?

– Пока у меня нет других вариантов, – ответила Клэр. – Экспресс-анализ на фенциклидин и метамфетамин дал отрицательный результат. Доктор Форест считает, что это явно органический психоз.

Видимо, Чапмана не впечатлили клинические познания доктора Фореста.

– Психиатрию вряд ли можно назвать точной наукой.

– Но я с ним согласна. Последние несколько дней у мальчика начали проявляться тревожные симптомы. Нельзя исключать инфекцию.

– Сколько у него лейкоцитов в крови?

– Тринадцать тысяч.

– Многовато, конечно, но не так страшно. А дифференциал?

– Высокое содержание эозинофилов. На целых тридцать процентов выше нормы.

– Но ведь у него астма, верно? Может, причина как раз в ней. Во всяком случае, я бы не исключил аллергическую реакцию.

Клэр пришлось согласиться. Эозинофилы – разновидность белых телец – обычно размножаются как ответная ре-

акция организма на аллергию и астму. Их высокое содержание может быть вызвано и многими другими болезнями, такими как рак, паразитические инфекции, аутоиммунные расстройства. Иногда выявить причину и вовсе не удастся.

– И что теперь? – спросил патрульный, с нарастающим раздражением наблюдавший за ходом врачебной дискуссии. – Можно перевозить его в Центр заключения?

– Нужно провести еще несколько анализов, – ответила Клэр. – Возможно, мальчик серьезно болен.

– Или симулирует. Лично мне этот вариант кажется более правдоподобным.

– Если он болен, может так получиться, что однажды вы найдете его мертвым в камере. Я бы не хотела совершать такую ошибку, а вы?

Вместо ответа полицейский, повернувшись, взглянул на своего подопечного через смотровое окно компьютерного томографа.

Тейлор лежал на спине, с наручниками на запястьях и щиколотках. Его голову закрывала камера томографа, но зато как он сучит ногами, пытаясь вырваться, было видно всем. «А сейчас – самое сложное, – подумала Клэр. – Как заставить его лежать смирно во время поясничной пункции?»

– Я не имею права упустить инфекцию центральной нервной системы, – заявила Клэр. – С учетом повышенного содержания лейкоцитов и изменений психического состояния я вынуждена взять пункцию спинного мозга.

Похоже, Чапман наконец согласился.

– Исходя из того, что я вижу на скане, мы вполне можем приступить.

Они вывезли Тейлора из рентген-кабинета в отдельную палату. Чтобы переложить сопротивлявшегося мальчика на кровать, потребовалась помощь двух медсестер и санитара.

– Переверните его на бок, – велела Клэр. – В положение эмбриона.

– Он не будет лежать спокойно.

– Тогда вам придется сесть на него. Нам необходимо сделать пункцию.

Общими усилиями они перевернули мальчика на бок, спиной к Клэр. Санитар крепко обхватил Тейлора за бедра, заставив подтянуть колени к груди. Одна из медсестер держала пациента за плечи. Лязгнув зубами, Тейлор едва не откусил ей палец.

– Следите за его зубами!

– Я стараюсь!

Клэр нужно было действовать быстро; долго держать мальчика в неподвижности было сложно. Она приподняла больничный халат, обнажив его спину. В такой позе его позвонки отчетливо проступали под кожей. Она в срочном порядке определила место для пункции – промежуток между четвертым и пятым позвонком в поясничной области – и протерла кожу сначала бетадином, потом спиртом. Надев стерильные перчатки, она взяла шприц с местным анестети-

КОМ.

– Ввожу ксилокаин. Ему это вряд ли понравится.

Клэр проколола кожу иглой 25 и начала осторожно вводить анестезирующее средство. От первой же обжигающей капли Тейлор взвился в яростном крике. Клэр заметила испуганный взгляд медсестры. Никому из них еще не доводилось видеть такого пациента, и некая жестокая сущность, вселившаяся в тело мальчика, повергала в трепет всех присутствовавших.

Клэр взяла спинальную иглу. Она была размера 22, длиной сантиметров семь и сверкала стальным покрытием; на одном конце красовалась насадка для стекания спинномозговой жидкости.

– Держите его. Я прокалываю.

Она пронзила кожу. Ксилокаин уже подействовал, и пациент не должен был чувствовать боли – во всяком случае пока. Она вводила иглу глубже, направляя ее между позвонками, к твердой оболочке спинного мозга. Она почувствовала легкое сопротивление, затем, когда игла проколола оболочку, раздался отчетливый хлопок.

Тейлор снова вскрикнул и задергался.

– Держите его! Крепче!

– Мы стараемся! Нельзя ли поскорее?

– Я уже почти закончила. Еще примерно минута.

Клэр держала пробирку под насадкой иглы, и вскоре в нее стекли первые капли спинномозговой жидкости. К ее удив-

лению, жидкость оказалась кристально чистой, без примеси крови, не замутненной инфекцией. Признаки менингита отсутствовали. «Так в чем же дело?» – размышляла доктор Эллиот, аккуратно собирая жидкость в три пробирки для анализов. Образцы сразу же поступят в лабораторию, где исследуют содержащиеся в них клетки и бактерии, глюкозу и белок. Но уже сейчас, глядя на жидкость в пробирках, она знала, что все показатели будут в норме.

Клэр извлекла иглу и наложила повязку на место пункции. Все присутствовавшие в палате, казалось, разом вздохнули с облегчением. Процедура была окончена.

Но к разгадке они не приблизились.

Тем же вечером Клэр обнаружила в крохотной больничной часовне на первом этаже мать Тейлора, застывшую перед алтарем. Они поговорили еще раньше, когда Клэр спрашивала у матери разрешение на поясничную пункцию. Тогда Ванда Дарнелл казалась комком нервов – руки дергались, губы дрожали. Весь день она провела в дороге – сначала отмахала триста двадцать километров до Портленда, где у нее была назначена встреча с адвокатом по бракоразводному процессу, потом, когда полиция сообщила ей страшную новость, в спешке мчалась обратно.

И вот теперь Ванду, казалось, покинули силы, запасы адреналина были исчерпаны. Миниатюрная женщина в мешковатых пиджаке и юбке, она казалась девочкой, которая, изображая взрослую, нарядилась в мамину одежду. Когда Клэр

вошла в часовню, госпожа Дарнелл повернула голову и еле заметно кивнула в знак приветствия.

Устроившись рядом, Клэр заботливо коснулась руки Ванды.

– Из лаборатории пришли результаты анализа спинальной пункции, все в норме. У Тейлора нет менингита.

Ванда Дарнелл испустила глубокий вздох облегчения и чуть ссутулилась под слишком объемистым пиджаком.

– Это ведь хорошо?

– Да. И, судя по компьютерной томографии, у него нет ни опухолей, ни признаков кровоизлияния в мозг. Так что и это тоже хорошо.

– Тогда что с ним? Почему он это сделал?

– Я не знаю, Ванда. А вы?

Она напряглась, будто изо всех сил стараясь придумать ответ.

– Он был словно... не в себе. Почти всю неделю.

– Что вы имеете в виду?

– Он был несдержан, злился на всех. Ругался, хлопал дверьми. Я думала, это все из-за развода. Он так тяжело это переживал...

Клэр очень не хотелось затрагивать следующую тему, но она была вынуждена спросить:

– А как насчет наркотиков, Ванда? Дело в том, что они очень сильно влияют на психику ребенка. Как вы думаете, он не мог баловаться чем-нибудь?

Ванда заколебалась:

– Нет.

– Кажется, вы не слишком уверены в этом.

– Нет, просто... – Она сглотнула, и слезы заблестели в ее глазах. – У меня такое чувство, что он стал совсем чужим. Он мой сын, но я едва его узнаю.

– Были какие-нибудь тревожные признаки?

– Он всегда был трудным ребенком. Поэтому доктор Помрой и считал, что у него, возможно, синдром дефицита внимания. В последнее время стало гораздо хуже. Особенно с тех пор, как он связался с этой ужасной компанией.

– С какой?

– Эти ребята живут на нашей улице. Джей-Ди и Эдди Рейды. И еще этот Скотти Брэкстон. У всех четверых мальчишек уже были неприятности с полицией в марте. На прошлой неделе я сказала Тейлору, чтобы он держался подальше от братьев Рейд. Вот тогда у нас произошла первая серьезная стычка. И он ударил меня.

– Тейлор ударил вас?

Ванда уронила голову, словно жертва, стыдящаяся своего унижения.

– С тех пор мы почти не общались. А если вдруг и начинали о чем-то говорить, становилось ясно... – ее голос опустился до шепота, – что ненавидим друг друга.

Клэр заботливо сжала руку Ванды.

– Можете мне не верить, но неприязнь к собственному

сыну-подростку абсолютно нормальное явление.

– Но ведь я еще и боюсь его! Вот что самое страшное. Я не только испытываю к нему неприязнь, но и боюсь! Когда он меня ударил, я почувствовала себя так, словно опять живу с его отцом. – Она дотронулась пальцами до губ, словно вспоминая былую рану. – Мы с Полом до сих пор ведем тяжбу. Боремся за опеку над сыном, который не любит ни его, ни меня.

Пискнул пейджер Клэр. Она просмотрела сообщение и увидела, что ее вызывает лаборатория.

– Извините, – сказала она и вышла из часовни в вестибюль, чтобы позвонить.

Трубку снял Энтони, старший лаборант.

– Доктор Эллиот, лаборатория Бангора только что прислала дополнительные данные по анализам Тейлора.

– Есть какие-нибудь положительные реакции по отдельным исследованиям?

– Боюсь, что нет. В крови не обнаружено никаких признаков алкоголя, марихуаны, опиоидов или амфетаминов. Результат отрицательный по всем наркотическим средствам, о которых вы запрашивали.

– Надо же, а я была так уверена, – произнесла она с некоторым недоумением. – Даже не знаю, что еще могло спровоцировать такое поведение. Наверняка там есть еще какое-то вещество.

– Вполне возможно, что есть. Я прогнал его кровь через

наш газовый хроматограф, и время удерживания аномально-го пика составило одну минуту десять секунд.

– Что это значит?

– На какой-то конкретный наркотик это не указывает. Но пик есть, и это свидетельствует о том, что в его крови что-то циркулирует. Вещество может быть вполне безобидным – скажем, пищевая добавка на травах.

– И как узнать, что это?

– Нужно провести расширенный анализ. Лаборатория Бангора с этим не справится, у них нет такого оборудования. Придется забрать кровь еще раз и послать в бостонскую лабораторию. Они могут исследовать на сотни веществ одновременно.

– Давайте сделаем это.

– Понимаете, тут есть проблема. Я еще и поэтому звонил вам на пейджер. Дело в том, что я только что получил указание отменить или прекратить все тесты на наркотики. Подписано доктором Делреем.

– Что? – Она непонимающе покачала головой. – Ведь лечащий врач Тейлора – я.

– Но Делрей пишет указания, которые противоречат вашим. Так что я даже не знаю, что делать.

– Слушайте, я сейчас переговорю с его матерью и проясню ситуацию. – Она повесила трубку и снова направилась в часовню.

Еще не успев открыть дверь, она услышала злобный и рез-

кий мужской голос.

– ...Никогда не пыталась контролировать! Дура никчемная, вот ты кто! Неудивительно, что он так разболтался!

Клэр вошла в часовню.

– Что здесь происходит, Ванда?

Мужчина обернулся:

– Я отец Тейлора.

Кризисы в личных отношениях всегда обнажают самое плохое, что есть в людях, но было непохоже, что Пол Дарнелл даже в лучшие времена вызывал симпатию. Совладелец одной из крупнейших аудиторских фирм в Ту-Хиллз, он выглядел куда более стильно, чем его жена, которая, казалось, сжалась до лилипутских размеров в своем бесформенном костюме. Короткая стычка между бывшими супругами, свидетельницей которой оказалась Клэр, давала достаточно четкую картину их бывшего брака: Пол – агрессор, недовольный и требовательный. И Ванда – всегда уступающая и безропотная.

– Так что там с моим сыном и запрещенными веществами? – спросил он.

– Господин Дарнелл, я пытаюсь установить причину сегодняшних событий. Я как раз спрашивала у вашей жены...

– Тейлор не употреблял никаких таблеток. С тех пор как вы отменили риталин. – Он сделал паузу. – Кстати, он прекрасно себя чувствовал, когда принимал риталин. Я так и не понял, почему вы от него отказались.

– Я отменила этот препарат два месяца назад. А перемена в его поведении произошла совсем недавно.

– Два месяца назад у него все было хорошо.

– Нет. Он был усталым и апатичным. К тому же тот диагноз – синдром дефицита внимания – не был подтвержден. Его диагностировать гораздо сложнее, чем, скажем, гипертонию, где все измеряется определенными параметрами.

– Доктор Помрой был уверен в диагнозе.

– К сожалению, синдром дефицита внимания превратился в своеобразную палочку-выручалочку, ведь им так легко объяснить сбои в поведении ребенка. Когда ученик не успевает в классе или становится замкнутым, родители непременно хотят найти причину. Я изначально была не согласна с диагнозом доктора Помроя. А если я сомневаюсь, то предпочитаю не сажать ребенка на лекарства.

– И смотрите, что произошло. Он совершенно отбился от рук. И это длится вот уже несколько недель.

– Откуда ты знаешь, Пол? – прервала его Ванда. – Когда ты последний раз проводил время с сыном?

Пол обернулся к бывшей жене с выражением такой ненависти на лице, что Ванда снова съежилась.

– Это ты во всем виновата, – сказал он. – Я знал, что ты с ним не справишься. Ты, как всегда, все испортила, и теперь нашему сыну грозит тюрьма!

– По крайней мере, это не я дала ему пистолет, – тихо произнесла она.

– Что?

– В школу он принес твой пистолет. Ты хотя бы заметил, что он пропал?

Пол взглянул на жену:

– Маленький сучонок! Как он мог...

– Так не пойдет! – вмешалась Клэр. – Нам сейчас нужно думать о Тейлоре. Найти объяснение его поведению.

Пол обратился к Ванде:

– Я попросил Адама Делрея заняться Тейлором. Он сейчас наверху, проводит осмотр.

Резкое заявление Пола лишило Клэр дара речи. Так вот, значит, почему Делрей стал писать указания; отныне он был лечащим врачом Тейлора. А ее только что отстранили от дел.

– Но его наблюдает доктор Эллиот! – запротестовала Ванда.

– Я знаю Адама и доверяю его мнению.

«Выходит, моему мнению он не доверяет?»

– Адам Делрей мне совсем не нравится, – сказала Ванда. –

Он твой друг, а не мой.

– Совсем не обязательно, чтобы он тебе нравился.

– Если он лечит моего сына, то обязательно.

Пол издал отвратительный смешок.

– Ты по этому принципу выбираешь врача, Ванда?

Ищешь, кто лучше тебе мозги запудрит?

– Я делаю так, как лучше для Тейлора!

– Да, и именно поэтому он оказался здесь.

У Клэр наконец лопнуло терпение.

– Господин Дарнелл, – одернула его она, – сейчас не время нападать на жену!

Он повернулся к Клэр, всем своим видом выражая презрение и к ней тоже.

– Бывшую жену, – поправил он. И, развернувшись, вышел из часовни.

Она обнаружила Адама Делрея на посту дежурной медсестры. Он сидел за столом и что-то писал в карте Тейлора. Хотя был уже поздний вечер, его белый халат был, как всегда, накрахмален и свеж, и Клэр на его фоне почувствовала себя мятой и неухоженной. Конфуз, который с ним сегодня случился во время приступа у Кейти Юманс, был благополучно забыт, и теперь он смотрел на Клэр с привычной раздражающей самоуверенностью.

– Я как раз собирался звонить вам на пейджер, – сообщил он. – Пол Дарнелл только что принял решение...

– Я уже беседовала с ним.

– О! Значит, вы все знаете. – Он виновато пожал плечами, словно извиняясь. – Надеюсь, вы не принимаете это близко к сердцу.

– Это решение родителей. И их право, – скрепя сердце признала она. – Но поскольку теперь за него взялись вы, я подумала, что вам следует знать: газовый хроматограф показал аномалию в крови мальчика. Я бы посоветовала вам заказать расширенный анализ.

– Не думаю, что в этом есть необходимость. – Он отложил карту и встал из-за стола. – Основные наркотики уже были исключены.

– Но все-таки необходимо установить причину аномалии.

– Пол не хочет дополнительных исследований.

Она озадаченно покачала головой:

– Не понимаю, почему он так противится.

– Думаю, он принял это решение после консультаций со своим адвокатом.

Клэр дождалась, пока он уйдет, и схватила со стола карту. Пролистала ее и остановилась на врачебном дневнике, с нарастающим отвращением вчитываясь в записи Делрея.

История болезни и физическое состояние пациента записаны.

Заключение:

1. Острый психоз вследствие резкой отмены риталина.

2. Синдром дефицита внимания.

Не в состоянии твердо держаться на ногах, Клэр осела на ближайший стул; ее подташнивало. Так вот на чем они собирались строить линию защиты! Мальчик, мол, не отвечал за свои поступки. Во всем виновата Клэр, которая отменила прием риталина, тем самым спровоцировав психический срыв. Мол, виновата одна она. «В результате я окажусь в суде».

Вот почему Пол так не хотел, чтобы в крови его сына на-

шли следы какого-либо наркотика. Это могло бы снять вину с Клэр.

В волнении она снова пролиستала карту на начало и прочитала указания Делрея.

«Отменить полный анализ крови на наркотики и токсины.

Все последующие вопросы и отчеты лаборатории направлять лично мне. Доктор Эллиот лечащим врачом больше не является».

Резко захлопнув карту, она почувствовала, что тошнота усиливается. Теперь на кон была поставлена не только жизнь Тейлора, но и ее практика, ее репутация.

Клэр вспомнила первое правило «перестраховочной медицины»: прикрыть свою задницу. Суда можно избежать, только если докажешь, что не совершал врачебной ошибки. Если подкрепишь свой диагноз данными лабораторных исследований.

Ей нужно было получить образец крови Тейлора. У нее оставался последний шанс добыть его; к завтрашнему дню в крови не останется никаких следов наркотических веществ, и исследовать будет нечего.

Она направилась в подсобку и, открыв нужный ящик, достала шприц для забора крови, спиртовые тампоны и три пробирки с красными крышками. Ее сердце бешено колотилось, когда она шла по коридору к палате Тейлора. Мальчик уже не был ее пациентом, и она не имела права делать это, но ей необходимо было выяснить, какой наркотик, если он

все-таки был, циркулировал в его крови.

Дежурный полицейский, стоявший у дверей палаты, ответственно кивнул ей.

– Мне нужно взять кровь на анализ, – сказала она. – Вы не придержите его руку?

Он не слишком обрадовался этой перспективе, но зашел в палату следом за ней.

«Быстро бери кровь и убирайся отсюда». Дрожащими руками она затянула резиновый жгут и сняла колпачок с иглы. «Быстрее, пока тебя не застучали». Она протерла руку Тейлора спиртом, и он тут же злобно заорал, пытаясь освободиться от цепкой хватки полицейского. У Клэр учащенно забилось сердце, когда она проколола кожу и почувствовала едва заметный, долгожданный толчок, сопровождавший проникновение иглы в вену. «Быстрее, быстрее!» Она наполнила одну пробирку, сунула ее в карман халата, затем опустошила шприц в следующую. Оросив ее темной кровью.

– Я не могу его удержать, – заявил охранник, сражаясь с мальчишкой, который продолжал взбрыкивать и ругаться.

– Я заканчиваю.

– Он пытается укусить меня!

– Держите его! – рявкнула она, чувствуя, что почти оглохла от пронзительных воплей мальчика. Наполняя третью пробирку, она наблюдала за тем, как туда стекает кровь. «Еще немного. Давай же! Давай!»

– Что здесь происходит, черт возьми?

Клэр подняла голову, от неожиданности позволив игле выскользнуть из вены. Кровь из ранки капнула на простыню. Молниеносно сняв жгут, Клэр приложила к руке мальчика марлевый тампон. Пылая от стыда, она обернулась к стоявшим в дверях Полу Дарнеллу и Адаму Делрею – оба смотрели на нее с недоверием. За их спинами, тоже глядя на нее, стояли две медсестры.

– Она пришла взять у него кровь, – пояснил охранник. – Мальчишка расшумелся.

– Доктор Эллиот не должна здесь находиться, – заявил Пол. – Разве вы не в курсе последних распоряжений?

– Каких распоряжений?

– Теперь я лечащий врач мальчика, – резко бросил Делрей. – Доктор Эллиот не имеет права даже заходить сюда.

Полицейский смерил Клэр взглядом, в котором безошибочно читалась злоба. «Ты меня подставила».

Пол вытянул руку:

– Дайте мне пробирки с кровью, доктор Эллиот.

Она покачала головой:

– Я должна исследовать причину аномалии. Она может повлиять на ход лечения вашего сына.

– Он больше не ваш пациент! Отдайте мне пробирки.

Она с трудом сглотнула:

– Извините, господин Дарнелл. Но я не могу.

– Это насилие! – Пол развернулся ко всем присутствовавшим в палате, и его лицо побагровело от ярости. – Именно

так это называется! Она напала на моего сына с иглой! У нее нет никакого права на это! – Он посмотрел на Клэр. – Отныне с вами будет общаться мой адвокат.

– Пол, – вмешался Делрей, выступая в роли миротворца, – я уверен, доктор Эллиот не хочет осложнять себе жизнь. – Он повернулся к ней и попытался ее урезонить. – Хватит, Клэр. Все это напоминает балаган. Отдайте мне пробирки.

Она взглянула на две пробирки, которые держала в руке; стоят ли они того, чтобы ее обвинили в насилии. Чтобы ее лишили привилегий, которыми она пользовалась в больнице. Она чувствовала, что на нее устремлены взгляды всех присутствующих, они наблюдали за ней и даже наслаждались ее унижением.

Она молча отдала пробирки с кровью.

Делрей взял их с видом триумфатора. Потом, обернувшись к охраннику, строго заявил:

– Мальчик – мой пациент. Ясно?

– Яснее некуда, доктор Делрей.

Никто не сказал ни слова, когда Клэр выходила из палаты, но она знала, что все взгляды направлены на нее. Глядя прямо перед собой, она свернула за угол и нажала на кнопку лифта. Только когда двери кабинки закрылись, она позволила себе запустить руку в карман халата.

Третья пробирка с кровью по-прежнему была там.

Она спустилась на лифте в лабораторию и увидела Энтони, сидевшего за рабочим столом в окружении ящиков со

склянками.

– У меня есть образец крови мальчика, – сообщила она.

– Для анализа на наркотики?

– Да. Я сама заполню запрос.

– Бланки вон на той полке.

Она взяла формуляр и нахмурилась, прочитав в шапке: «Лаборатории Энсон».

– У нас что, новая лаборатория? Никогда прежде не видела этих бланков.

Энтони поднял взгляд от жужжавшей центрифуги.

– Мы начали работать с «Энсон» несколько недель назад.

Больница заключила с ними договор на выполнение комплексных химических и радиоиммунологических анализов.

– Зачем?

– Думаю, все дело в расценках.

Она бегло просмотрела бланк и отметила пункт: «газовая хроматография/масс-спектрометрия; полный анализ на наркотики и токсины». В графе примечаний, в нижней части бланка, она записала: «Мальчик, четырнадцать лет, с очевидным наркотическим психозом и агрессией. Этот анализ исключительно для моих личных исследований. Результаты направить персонально мне». И поставила свою подпись.

Ной открыл дверь на стук и увидел в темноте Амелию. У нее на виске белела повязка, и было понятно, что улыбаться ей больно. При всех стараниях ей удалось лишь слегка приподнять уголки губ.

Ее неожиданный визит застал его врасплох, и он даже не мог сообразить, что сказать, поэтому просто глазел на нее, тупо, как крестьянин, который встретился лицом к лицу с королевской особой.

– Это тебе, – сказала она и протянула ему маленький сверток в коричневой бумаге. – Извини, не нашла красивой упаковки.

Он взял сверток, не отрывая взгляда от лица девочки.

– Ты в порядке?

– Да, вполне. Ты, наверное, слышал, что госпожа Горацио... – Она запнулась, сглатывая слезы.

Он кивнул:

– Мне мама сказала.

Амелия тронула повязку на своем лице. Он снова увидел, как блеснули в ее глазах слезы.

– Я видела твою маму. В неотложной помощи. Она была так добра ко мне... – Амелия обернулась в темноту, как будто проверяла, не следят ли за ней. – Мне пора...

– Тебя кто-нибудь привез сюда?

– Я пришла пешком.

– Пешком? В темноте?

– Здесь недалеко. Я живу на том берегу озера, прямо за пристанью. – Она отошла от двери, слегка тряхнув светлыми волосами. – Увидимся в школе.

– Постой, Амелия! – Он перевел взгляд на сверток, который держал в руке. – Зачем это?

– Это тебе в благодарность. За то, что ты сегодня сделал. – Она отступила еще на шаг, почти растворившись в темноте.

– Амелия!

– Да.

Ной молчал, не зная, что сказать. Тишину нарушал лишь шорох опавших листьев, ковром устилавших лужайку перед домом. Амелия стояла у самой кромки светового пятна, вырвавшегося из открытой двери, и бледный овал ее лица тонул в ночи.

– Может быть, ты зайдешь? – спросил он.

К его удивлению, она, казалось, задумалась над приглашением. Некоторое время поколебалась между светом и тенью, решая, уйти или остаться. Девочка снова оглянулась, словно испрашивая чьего-то разрешения. Потом кивнула.

Ной с ужасом подумал о том, какой беспорядок царит в гостиной. Мама побыла дома всего пару часов, чтобы успокоить его и приготовить ужин. Потом опять помчалась в больницу проведать Тейлора. В комнате так никто и не прибрался, и вещи валялись там, куда их бросил Ной, вернувшись из школы, – рюкзак на диване, фуфайка на журнальном столике, грязные кроссовки возле камина. Он решил пригласить Амелию не в гостиную, а на кухню.

Они уселись за стол, не глядя друг на друга, – представители разных биологических видов, пытающиеся найти общий язык.

Зазвонил телефон, и она подняла взгляд:

– Ты разве не возьмешь трубку?

– Не-а. Это опять какой-нибудь репортер. Они трезвонят весь вечер, с тех пор как я вернулся из школы.

Звонок принял автоответчик, и, как предсказывал Ной, женский голос проговорил:

– Это Дамарис Хорн из «Уикли информер». Я бы очень, очень хотела побеседовать с Ноем Эллиотом, если это возможно, о его удивительном героизме, проявленном сегодня в школе. Вся страна жаждет узнать об этом, Ной. Я остановилась в гостинице «Озерная» и могла бы предложить вам финансовую компенсацию за потраченное на интервью время, если вас это заинтересует...

– Она хочет заплатить тебе за беседу? – спросила Амелия.

– Бред, правда? Мама говорит, что именно поэтому не следует говорить с этой дамой.

– Но ведь люди хотят узнать об этом. О том, что ты сделал. «А что я сделал?»

Он пожал плечами, испытывая смущение от незаслуженной похвалы, и прежде всего от похвалы Амелии. Он молча вслушивался в монолог журналистки. Автоответчик пропищал после окончания записи, и на кухне снова воцарилась тишина.

– Теперь можешь открыть. Если хочешь, – предложила Амелия.

Он посмотрел на подарок. Предмет был завернут в обычную коричневую бумагу, однако Ной все равно вскрывал

упаковку аккуратно, стараясь не порвать ее. Было бы невежливо драть бумагу на глазах у девушки. Он бережно отклеил скотч и развернул обертку.

Карманный нож не впечатлял ни размерами, ни внешним видом. Ной заметил царапины на рукоятке и догадался, что он уже не новый. Амелия дарила ему нож, которым уже кто-то пользовался.

– Ух ты! – сумел-таки выдавить он с некоторым энтузиазмом. – Какой хороший.

– Он принадлежал моему папе, – сказала она и тихо добавила: – Моему настоящему папе.

Ной поднял взгляд, когда до него дошел смысл ее слов.

– Джек – мой отчим. – Амелия произнесла последнее слово с заметным отвращением.

– Выходит, Джей-Ди и Эдди...

– Они мне не родные братья. Это дети Джека.

– Знаешь, а я, пожалуй, догадывался. Они совсем на тебя не похожи.

– Слава богу.

Ной рассмеялся:

– Да, я бы тоже не хотел такого родственного сходства.

– Мне не разрешают даже говорить о папе, потому что Джека это бесит. Он не выносит, когда ему напоминают о том, что до него у мамы кто-то был. Но я хочу, чтобы люди знали о моем отце. Я хочу, чтобы все знали, что Джек не имеет ко мне никакого отношения.

Он бережно вложил нож в ее руку.

– Я не могу принять этот подарок, Амелия.

– А я хочу, чтобы ты его принял.

– Он слишком много значит для тебя, ведь он принадлежал папе.

– Поэтому я и хочу, чтобы он был у тебя. – Она тронула повязку на голове, словно напоминая о том, что она перед ним в долгу. – Ты единственный, кто не испугался и что-то сделал. Единственный, кто не сбежал.

Он не посмел сделать унижительное признание: «Я хотел бежать, но от страха даже не мог двинуться с места».

Она бросила взгляд на кухонные часы. Испуг промелькнул на ее лице, и она решительно встала из-за стола.

– Я и не знала, что уже так поздно.

Он проводил ее до двери. Амелия едва ступила за порог, как вдруг мощный свет фар прорезал гущу деревьев. Она повернула голову на свет и, казалось, оцепенела, когда к дому с ревом подкатил пикап.

Открылась водительская дверца, и из машины вышел Джек Рейд – хилый, щедущий человечек с хмурым лицом.

– Садись в машину, Амелия, – бросил он.

– Джек, откуда ты...

– Эдди сказал мне, где тебя искать.

– Но я уже собиралась идти домой.

– Садись в машину сейчас же.

Она тут же замолчала и послушно скользнула на пасса-

жирское сиденье.

Ее отчим уже садился за руль, но вдруг встретился взглядом с Ноем.

– Она не гуляет с парнями, – сказал он. – Ты должен знать об этом.

– Она зашла на минутку, – злобно ответил Ной. – Что в этом такого?

– Ничего такого, парень, просто моя дочь – это запретная зона. – Рейд забрался в кабину и хлопнул дверцей.

– Да она тебе даже не дочь! – закричал Ной; он знал, что его не услышат за ревом надрывающегося мотора.

Когда пикап сделал круг, выруливая со двора, Ной в последний раз увидел профиль Амелии в пассажирском окне и ее испуганный взгляд, устремленный в лобовое стекло.

6

Первые снежинки, кружась между голыми ветвями деревьев, припорошили место раскопок. Люси Оверлок посмотрела на небо и сказала:

– Этот снег, надеюсь, ненадолго? Он должен прекратиться, иначе он нам все испортит.

– Да он уже тает, – обнадежил ее Линкольн.

Ему, столько лет прожившему в лесах, достаточно было втянуть ноздрями воздух, чтобы угадать, что снег скоро кончится. Эти хлопья были всего лишь осторожным шепотом, предупреждением о том, что зима не за горами. Снег ему не досаждал; Линкольн спокойно воспринимал все неудобства, связанные со снегопадами, когда приходилось и дорогу лопатой чистить, и машину откапывать из-под завалов, и ночи коротать без электричества из-за обрыва проводов. Вот только темноту он не любил. А зимой слишком рано темнело. Дневной свет уже угасал, и деревья черными косыми полосами выделялись на фоне неба.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – решила Люси. – Упакуем тут все и будем надеяться, что до завтра сугробы вырасти не успеют.

Теперь, когда кости уже не представляли интереса для полиции, Люси и ее помощники из числа студентов-дипломников приняли на себя ответственность за сохранность рас-

копок. Двое студентов затянули рабочую зону брезентом, закрепив его кольшками. Тщетная предосторожность – какой-нибудь лесной мародер, например енот, мог одним махом сорвать брезент.

– Когда вы здесь закончите? – спросил Линкольн.

– Мне бы хотелось провести здесь несколько недель, – ответила Люси. – Но раз погода портится, надо поторопиться. Первые серьезные заморозки – и придется ждать следующего сезона.

За деревьями промелькнули огни фар. Линкольн увидел, что во двор Рейчел Соркин заезжает еще одна машина.

Он поспешил через лес к дому. За последние несколько дней лужайка перед домом Рейчел превратилась в автостоянку. Рядом с автомобилем Линкольна примостились джип Люси Оверлок и старенькая «хонда», по-видимому принадлежавшая какому-то студенту.

А чуть дальше, прямо под деревьями, припарковался еще один автомобиль – темно-синий «вольво». Узнав его, Келли приблизился со стороны водительской дверцы.

Стекло немного опустилось.

– Линкольн, – приветствовал его женский голос.

– Добрый вечер, судья Китинг.

– Есть время поговорить?

Линкольн услышал, как щелкнул автоматический замок на дверях. Он обошел автомобиль и сел на пассажирское сиденье. Некоторое время их окружала тишина.

– Что-нибудь еще обнаружили? – поинтересовалась она.

Судья смотрела прямо перед собой, словно выглядывая что-то среди деревьев. В темном салоне автомобиля ее морщин почти не было видно, и она выглядела куда моложе своих шестидесяти шести лет. Моложе и мягче.

– Там было всего два скелета, – сказал Линкольн.

– Оба детские?

– Да. Доктор Оверлок считает, что возраст примерно девять-десять лет.

– Смерть не естественная?

– Нет. Обе смерти насильственные.

Последовала долгая пауза.

– И когда это случилось?

– Это не так-то легко определить. Придется поработать с теми предметами, которые нашли вместе с останками. Они откопали несколько пуговиц, ручку гроба. Доктор Оверлок полагает, что, возможно, это часть семейного кладбища.

Она задумчиво молчала. Следующий вопрос прозвучал тихо и осторожно:

– Выходит, останки совсем старые?

– Им примерно сто лет.

Она глубоко вздохнула. Возможно, Линкольну это только почудилось, но ее поза больше не казалась напряженной. Она как будто испытала облегчение, и ее голова откинулась на подголовник.

– Сто лет, – повторила она. – Тогда не стоит и волноваться.

Это не...

– Нет. Это другая история.

Судья по-прежнему смотрела прямо перед собой.

– И все-таки странное совпадение, верно? На том же берегу озера... – Она замолчала. – Интересно, не осенью ли это случилось?

– Люди умирают каждый день, судья Китинг. Умирили они и все эти сто лет... их же надо было где-то хоронить.

– Я слышала, на одной из бедренных костей обнаружили метку от топора.

– Так и есть.

– Люди начнут проявлять любопытство. Вспоминать.

Линкольн уловил страх в ее голосе, и ему захотелось приободрить судью, но он не знал, как к ней подступиться. До Айрис Китинг трудно было дотронуться. Ее эмоциональный барьер был таким непреступным, что Линкольн бы не удивился, если, протянув руку, наткнулся бы на броню.

– Это было очень давно, – проговорил он. – Никто уже не помнит.

– Этот город все помнит.

– Помнят очень немногие. Старики. А им вряд ли захочется ворошить прошлое. Так же, как и вам.

– И все-таки это достояние общественности. Да еще репортеры понаехали. Тоже будут выпрашивать.

– То, что случилось полвека назад, не имеет отношения к нашей находке.

– Думаете? – Она повернула к нему голову. – В прошлый раз все начиналось так же. Я имею в виду убийства. Все это случилось осенью.

– Нельзя толковать каждый акт насилия как повторение истории.

– Но история и есть насилие. – Взгляд судьи снова устремился вдаль, к озеру. Наступила ночь, и сквозь голые деревья виднелось только слабое свечение воды. – Разве вы не ощущаете, Линкольн? – тихо спросила она. – Есть что-то тревожное в этом месте. Не знаю, что именно, но я это чувствовала еще ребенком. Мне не нравилось жить здесь, даже тогда. А сейчас... – Она потянулась к ключу зажигания и завела двигатель.

Линкольн выбрался из машины:

– Дорога сегодня скользкая. Будьте осторожны.

– Хорошо. Да, Линкольн, и еще...

– Что?

– Мне сказали, в Огасте новый набор по программе реабилитации алкоголиков. Это хороший вариант для Дорин. Если только вы сможете уговорить ее.

– Я попытаюсь. Надеюсь, что-нибудь да получится.

Ему показалось, что в глазах судьи промелькнула жалость.

– Желаю удачи. Вы заслуживаете лучшего, Линкольн.

– Я справляюсь.

– Конечно. – И тут он понял, что это не жалость. В ее голосе звучало восхищение. – Вы один из немногих мужчин

В ЭТОМ МИРЕ, КТО ВСЕГДА СО ВСЕМ СПРАВЛЯЕТСЯ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.